Кравчинский

Из огня да в полымя

1 экз

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ЦБ12
К778

4612
K778

ИЗЪ ОГНЯ ДА ВЪ ПОЛЫМЯ!

или

ВОТЪ ТЕБѢ, БАБУШКА,

и

ЮРЬЕВЪ ДЕНЬ!!!

НЕ СКАЗКА,

А БЫЛЬ-ПОБЫВАЛЬЩИНА ИЗЪ НАШИХЪ ДНЕЙ.

Сочиненіе

Вас. МАРКОВА.

Чтеніе для народа.

Кто хочетъ драться, тому надо съ силами собраться.

Пословица.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1876.

Спбет. Кравчинский, С. М.
ЦБ 12
К 778

ИЗЪ ОГНЯ ДА ВЪ ПОЛЫМЯ!

или

ВОТЪ ТЕБѢ, БАБУШКА,

и

ЮРЬЕВЪ ДЕНЬ!!!

НЕ СКАЗКА,
А БЫЛЬ-ПОБЫВАЛЬЩИНА ИЗЪ НАШИХЪ ДНЕЙ.

Сочиненіе
Вас. МАРКОВА.

Чтеніе для народа.

Кто хочетъ драться, тому надо съ силами собраться.
Пословица.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1876.

1 б. 000

ЦБ 12
К 778
Библиотека ИМЭЛ
1700/27
Ц-7979

Печатать дозволяется. С.-Петербургъ, 21 января 1876 г.

2011

Типографія Юліуса Карл. Бахмана, по Больш. Московской, № 143.

ПРОСТАЯ МЕХАНИКА.

Вотъ ужъ пятнадцать лѣтъ почти, какъ русскій народъ, милостью царской, сталъ вольный. Ни на кого не долженъ онъ работать теперь — воленъ все на себя одного трудиться. Никто имъ командовать не смѣетъ — онъ воленъ жить какъ ему самому угодно.

Да не слыхать что-то, чтобъ пользовались мужики своей волей. Видно, не охочи они до нея. Не хотятъ они, видно, работать на себя, а такъ и тянетъ ихъ поработать на купца, либо на стараго помѣщика. Не хотятъ они, видно, жить, какъ самимъ угодно, а такъ и тянетъ ихъ на фабрику, либо на заводъ, подъ команду прикащиковъ да десятниковъ.

Чуденъ народъ русскій, право слово! Ну, развѣ кто его гонитъ работать на купца да на помѣщика? Вѣдь по своей охотѣ идетъ, потому онъ теперь вольный!

Да, вольный! Только, видно, спряталъ онъ эту волю-то въ дырявую суму и какъ понесъ домой — она у него дорогой-то, видно, и вывалилась. Подобрали ее купцы, кулаки да старые помѣщики и взяли себѣ. А народъ пришелъ домой, глядь — вмѣсто воли у него — сума!

Да, братъ, ничего не дала народу царская воля кромѣ сумы. Да и сума-то дырявая. Чуть въ нее накладетъ мужикъ своего добра — сейчасъ от-

куда ни возьмись помѣщикъ, купецъ да сборщикъ, и ну ее трясти. Все сейчасъ и вытрясутъ. Накладывай опять!

И мается мужикъ съ утра до ночи, мается отъ рожденія до гробовой доски, и все то онъ нищій, все то онъ голый, какъ мать родила!

Вотъ какова теперь доля мужицкая, потому повѣрилъ онъ, что царь и дворяне точно хотятъ дать ему волю! Коли-бъ подогадливѣе онъ былъ да самъ отнялъ ее у своихъ грабителей, то не пустила-бъ его воля нищимъ нóміру!

А отъ царской да помѣщичьей воли ничего ему не дождаться во вѣкъ кромѣ новыхъ кандаловъ.

Развѣ могъ царь, со своими дворянами-совѣтниками, обидѣть своихъ вѣрныхъ слугъ и друзей — дворянъ? Нѣтъ, онъ не могъ обидѣть и онъ не обидѣлъ ихъ.

Сосчитано, что только пятая часть всей удобной земли отошла крестьянству, т. е. всему народу русскому. А маленькая кучка помѣщиковъ по прежнему владѣетъ четырьмя пятыми всей удобной земли; значитъ, у этой горсточки въ четыре раза больше земли, чѣмъ у всего русскаго народа! А коли считать по душамъ, такъ на мужика придется 3 десятины, а на помѣщика — 673! Значитъ, ровно на 670 десятинъ лишку!

Вотъ какъ подѣлилъ царь мужиковъ да помѣщиковъ! Земли-то онъ далъ столько, что съ нея не прокормишься, да еще за нее-же платить велѣлъ, и вышла царская земля не подмогой мужику, а — тягостью.

Сосчитано, что всякихъ податей мужикъ платитъ по крайности столько, сколько съ земли получаетъ. Значитъ, чтобъ уплатить подати, мужикъ долженъ

продать весь свой хлѣбъ до послѣдняго зерна, коли на сторонѣ онъ не добудетъ.

Вотъ, что гонитъ мужика на заработки! Онъ долженъ либо умирать съ голоду, либо идти въ батраки къ помѣщику, или на фабрику къ кущу.

А развѣ это не та-же кабала? Развѣ легче работать на фабрикѣ да въ батракахъ, чѣмъ встарину на барщинѣ?

— Все это такъ-то-такъ, скажешь ты. — На фабрикѣ либо у помѣщика работать не легче, чѣмъ было на барщинѣ. Да вѣдь за то прежде мужикъ работалъ даромъ, а теперь ему платятъ; онъ работаетъ, значитъ, на себя.

На себя? Такъ отъ чего-же не онъ богатѣетъ отъ своей работы, а купецъ либо баринъ? Вѣдь коли я ѣмъ, такъ вѣдь отъ этого я самъ наѣдаюсь, а не тотъ, кто мнѣ хлѣбъ подалъ. А при работѣ выходитъ наоборотъ. Мужикъ работаетъ, говоришь ты, на себя, а богатѣютъ отъ этого одни кущы да помѣщики!

Да, вѣдь, это то-же, какъ если-бы ѣлъ Пахомъ, а толстѣла Ѳетинья!

Нѣтъ, другъ, работаешь ты не на себя, а на купца да на барина — точь въ точь какъ работалъ, когда былъ крѣпостнымъ. Разница только съ виду. Это ты самъ сейчасъ поймешь.

Помѣщикъ заставлялъ работать на своей землѣ даромъ. Но развѣ могъ помѣщикъ не кормить мужиковъ и заставлять все время работать на себя? Нѣтъ, потому они перемерли бы съ голоду. Онъ долженъ былъ дать мужику клочекъ земли и дать ему столько дней въ недѣлю, чтобъ работой своей онъ могъ кой какъ прокормить себя и свою семью. Положимъ, ему для этого нужно 3 дня въ недѣлю.

Значитъ, мужикъ только половину недѣли работалъ даромъ на барина. Другую половину онъ работалъ на себя.

Но случалось, что помѣщикъ не давалъ мужикамъ земли, чтобы кормиться, а самъ кормилъ ихъ (какъ говорится, держалъ на пайкѣ или на застольщинѣ) и заставлялъ ихъ все время работать на своей фабрикѣ или въ своемъ хозяйствѣ.

Ну, что-жъ? — тогда, значитъ, мужикъ всю недѣлю работалъ на барина?

Ничуть не бывало. Это только на первый взглядъ кажется. Коли мужикъ, примѣрно, сработаетъ помѣщику на рубль въ день, такъ вѣдь изъ этого самаго рубля помѣщикъ долженъ былъ кормить, одѣвать и обувать мужика, коли онъ не давалъ ему времени на себя работать. Значитъ, помѣщику доставался не весь рубль, что̀ мужикъ сработаетъ въ день, а меньше. Часть этого рубля онъ долженъ былъ потратить на мужика.

Значитъ, только на первый взглядъ кажется, что на пайкѣ мужикъ все время работаетъ на помѣщика. На самомъ дѣлѣ онъ и тутъ работаетъ часть на себя, когда вырабатываетъ то, что даетъ ему помѣщикъ.

Разница вся въ томъ, что при барщинѣ помѣщикъ даетъ ему время, чтобъ добыть себѣ хлѣбъ, одежу и все прочее. Мужикъ самъ хозяинъ. А при пайкѣ, помѣщикъ не даетъ времени, а даетъ самый хлѣбъ, одёжу и прочее, какое самъ захочетъ.

А сколько мужикъ при пайкѣ работаетъ на себя, а сколько на помѣщика, — это смотря по тому, какъ онъ живетъ, какой паекъ даетъ ему помѣщикъ.

Коли положимъ, что изъ того рубля, что мужикъ выработаетъ въ день, помѣщикъ тратитъ на мужика

круглымъ счетомъ по полтинѣ въ день, то, значитъ, мужикъ работалъ каждый день — полъ дня на себя, а полъ дня на помѣщика; или полъ недѣли на себя, а полъ недѣли на помѣщика, — точь въ точь, какъ при барщинѣ, когда онъ работалъ три дня на барина, а три дня на себя.

Да и помѣщикъ получитъ точно такой-же доходъ. Только прежде онъ получалъ цѣликомъ 3 дня, или 3 рубля въ недѣлю. А теперь онъ получитъ съ мужика 6 половинъ дня, или 6 полтинъ въ недѣлю.

Но вотъ крѣпостное право отмѣнено. Крѣпостныхъ нѣтъ. Помѣщикъ и купецъ нанимаютъ мужика, должны платить ему за работу.

На первый взглядъ кажется, что мужикъ не работаетъ больше даромъ. Да бѣда-то вся въ томъ и есть, что такъ только кажется. А на дѣлѣ-то оно выходитъ иначе.

Развѣ помѣщикъ или купецъ отдаютъ мужику все, что онъ сработаетъ? Какъ-же, держи карманъ! Да на какого рожна стали бы они хлопотать попусту? Нѣтъ, братъ, не на таковскихъ напалъ!

Они даютъ мужику столько, чтобъ онъ только могъ прожить и не околѣлъ съ голоду, какъ и при помѣщикахъ. Онъ сработаетъ имъ на рубль, а они дадутъ ему полтину.

Но почемъ я знаю, что только полтину, а не больше? Да потому, что коли-бъ они давали больше, такъ работникъ на фабрикѣ, батракъ у помѣщика жили-бы лучше чѣмъ крѣпостные. А вѣдь всякій знаетъ, что теперь народъ живетъ не только не лучше, а пожалуй хуже, чѣмъ при помѣщикахъ. Вотъ и выходитъ старая погудка на новый ладъ!

Мужикъ сработаетъ хозяину на рубль, а получаетъ

полтину. Другая же полтина у хозяина останется. Это-то и есть его барышъ.

Значитъ, мужикъ первые полъ дня работалъ за плату на себя: онъ получитъ отъ хозяина ту полтину, которую онъ выработалъ въ это время, и истратитъ ее на себя. А изъ той полтины, что онъ добудетъ во вторую половину дня, онъ ни копѣйки не получитъ. Она вся у хозяина останется. Значитъ, вторую половину дня мужикъ работалъ даромъ на хозяина.

И такъ, мужикъ полъ дня работаетъ за плату, а полъ дня даромъ; или полъ дня на себя, а полъ дня на хозяина. Значитъ, въ недѣлю, онъ тѣ-же три дня работаетъ на себя, и тѣ-же три дня на хозяина, какъ работалъ, когда былъ крѣпостнымъ.

Стало быть, теперешній порядокъ, когда рабочій работаетъ по найму, только глаза отводитъ.

При крѣпостномъ правѣ кажется, что мужикъ работаетъ все время даромъ, хотя половину онъ работаетъ на себя.

А при теперешнемъ порядкѣ кажется, что мужикъ все время работаетъ за плату, хотя ту-же половину онъ работаетъ даромъ.

Старый порядокъ, это — разбойникъ на большой дорогѣ. Онъ открыто грабитъ встрѣчнаго и поперечнаго.

Теперешній, это — жуликъ. Онъ оберетъ тебя до нитки, такъ что ты и не замѣтишь, и будешь еще кланяться ему.

Но ты, можетъ быть, скажешь: зачѣмъ, молъ, я беру, что на барина мужикъ всего три дня въ недѣлю работалъ. Вѣдь у иныхъ помѣщиковъ всѣ 6 дней работали. Одни праздники работали на себя. Значитъ, не половину недѣли, а седьмую только

часть мужики работали на себя, а все прочее на помѣщика.

Знаю, другъ, что бывало это.

Да только скажи мнѣ, развѣ теперь хозяинъ всегда отдаетъ тебѣ половину того, что ты сработалъ?

Нѣтъ: случается, что ты выработаешь ему на рубль въ день, а получишь гривенникъ.

Значитъ, ты работаешь на себя даже не седьмую, а только десятую часть времени.

Точь въ точь, какъ и при крѣпостномъ правѣ.

Что-же это за притча такая? скажешь ты. Куда ни кинь — все клинъ! Сталъ народъ вольнымъ, избавился отъ даровой работы на помѣщиковъ, анъ на-поди! Выходитъ, что и теперь онъ работаетъ на нихъ даромъ, столько же, какъ и прежде, коли не больше!

Какъ же это такъ объегорили русскій народъ?

Вся эта механика, братецъ ты мой, самая простая. Она держится на томъ, что землей, фабриками и заводами владѣютъ не тѣ, кто на нихъ работаетъ, а помѣщики да купцы.

Народъ не можетъ жить тѣмъ, что онъ сработаетъ на своемъ клочкѣ земли. Объ этомъ мы уже толковали. Вотъ помѣщики да купцы и говорятъ ему: иди работать на нашей землѣ, либо на нашихъ фабрикахъ и заводахъ. А ужъ мы тебя не обидимъ: дадимъ тебѣ по четвертаку съ рубля, что ты сработаешь на нихъ.

— Да есть ли на тебѣ крестъ, скажетъ мужикъ. Вѣдь ты палецъ объ палецъ не ударишь! Мы всѣ маемся съ утра до ночи, а теперь ты хочешь забрать себѣ больше, чѣмъ намъ всѣмъ достанется!

— Ну, не хочешь, и не надо, — скажетъ купецъ.

Ступай себѣ съ богомъ. Васъ много, всѣмъ жевать хочется. И безъ тебя найду!

Ну, что-же, можетъ мужикъ на это отвѣтить:

— Ищи, а я и безъ тебя проживу?

Нѣтъ, не можетъ, потому голодъ не свой братъ. На всякую ряботу пойдешь, когда дѣтямъ ѣсть нечего!

Вотъ на чемъ вся эта механика держится. И такъ всегда будетъ, пока и землей и всѣми богатствами будетъ владѣть маленькая кучка людей. Они всегда голодомъ заставятъ народъ работать на себя, какъ онъ работалъ на помѣщиковъ.

Только тогда не будетъ этого, когда землей, фабриками и заводами будутъ владѣть работники, которые работаютъ на нихъ. Тогда никто ничего не будетъ отнимать у нихъ — все, что они сработаютъ, имъ же будетъ доставаться. Тогда только они и впрямъ станутъ вольными, а не крѣпостными, потому только тогда они будутъ все время работать на себя, а не на другого.

А теперешняя царская воля это вотъ что:

Не стало разъ рыбкамъ житья въ озерѣ отъ рыбака. По всему берегу разложилъ онъ свои удочки, и чуть подплываетъ рыбка, глядь — ужъ на крючкѣ!

Вотъ собрали рыбки сходку, и стали они думать да гадать, какъ имъ рыбака извести, либо удочки у него отнять. Думали, думали — ничего не придумали, и рѣшили послать ходока къ Лисѣ Патрикѣевнѣ, чтобъ она имъ поворожила. Въ ходоки выбрали Лягушку-квакушку, потому она говоритъ горазда, да и человѣкъ бывалый: и воду и сушу видывала.

Попрыгала Лягушка къ Лисѣ, низенько поклонилась ей и проквакала рыбье прошеніе.

Выслушала ее Лиса Патрикѣевна, повиляла хвостикомъ туда-сюда, наконецъ говоритъ:

— Не могу я обидѣть рыбака, потому онъ мнѣ кумъ. А вамъ услужить готова: я скажу куму, чтобъ онъ у удочекъ крючки обрѣзалъ.

Захлопала Лягушка отъ радости лапками по брюху, поскакала она въ озеро и разсказала тамъ про лисицыно обѣщаніе.

Обрадовалась всякая рыбица.

— Ну, думаютъ, безъ крючковъ-то пусть ловитъ!

Да на бѣду рыбакъ-то былъ не промахъ. У него остались лесы съ удилищами. Вотъ онъ взялъ, да и сплелъ изъ лесъ — неводъ, а изъ удилищъ — верши; и сталъ онъ съ той поры ловить рыбку безъ крючковъ.

Слыхивалъ я сторонкой, что рыбкамъ, кажись, не стало привольнѣе жить въ озерѣ съ той поры.

Какъ ты думаешь, правда это или нѣтъ?

Вотъ, братецъ ты мой, русскому народу царь удружилъ какъ есть также, какъ Лиса Патрикѣевна рыбкамъ.

Ловили помѣщики рыбку. Солоно пришлось ей отъ нихъ. Теперь обрѣзалъ царь у рыбаковъ крючки — отмѣнилъ онъ крѣпостное право. Да только оставилъ онъ рыбакамъ лесы съ удилищами: землю да деньги. Вотъ этими-то лесами да удилищами и ловятъ они прежнюю рыбку, да только половчѣй чѣмъ лавливали удочками.

Прежде много хлопотъ было помѣщикамъ. Каждаго мужика покупай. Каждаго держи да еще посматривай, чтобъ не убѣжалъ.

Теперь купецъ, либо тотъ-же помѣщикъ, никого не покупаетъ, никого не держитъ: всѣ сами къ нимъ бѣгутъ — возьми только христа ради!

Прежде рыбакъ цѣлый день надъ удочками хлопочи, а теперь только закинь неводъ или вершу — построй фабрику или заводъ, либо заведи экономію — рыбка сама къ тебѣ наплыветъ!

ПАЛОЧНАЯ И ГОЛОДНАЯ КАБАЛА.

Старый порядокъ, когда народъ работалъ на помѣщиковъ, я буду называть помѣщицкимъ.

Теперешній, когда онъ работаетъ по найму, я буду называть напимательскимъ.

Настоящей разницы между старымъ, помѣщицкимъ, и теперешнимъ, напимательскимъ порядкомъ, — нѣтъ. Какъ прежде мужикъ работалъ даромъ на своего помѣщика, такъ теперь онъ работаетъ даромъ па своего хозяина, напимателя.

Разница вся въ томъ, что при старомъ порядкѣ народъ гнала на даровую работу — палка, а теперь его гонитъ голодъ.

Изъ палочной кабалы народъ попалъ въ голодную.

Которая же изъ нихъ двухъ хуже?

Объ этомъ я поговорю какъ только можно подробнѣе. Въ этомъ вся суть моей книжки.

Триста лѣтъ томился русскій народъ въ палочной кабалѣ, въ кабалѣ у помѣщиковъ. Два раза поднимался онъ, чтобы освободиться отъ нея. Знаетъ онъ какова она и не дастъ вернуться ей. Не далъ бы онъ ей и продержаться долго, коли-бъ не надоумили царя дать во-время волю.

Какова-же новая, голодная кабала, которую далъ

ему царь вмѣсто воли, онъ не знаетъ еще, потому только со вчерашняго дня началась она.

Но другіе народы уже знаютъ, что такое голодная кабала, потому уже давно томятся они въ ней.

Вотъ затѣмъ-то и завелъ я съ тобою эту рѣчь, чтобы показать тебѣ заранѣе, что такое голодная кабала, чтобы показать тебѣ, до чего довела она другіе народы и до чего доведетъ она и насъ. Затѣмъ завелъ я эту рѣчь, чтобъ показать тебѣ, какія страшныя муки ждутъ тебя впереди, чтобъ показать тебѣ, что изъ огня попалъ ты въ полымя!

Но не подумай, будто я хочу сказать тебѣ, что лучше было-бы оставаться за помѣщиками. Измѣнникъ и подлый врагъ твой тотъ, у кого повернется языкъ сказать это!

Велики твои муки, тяжка твоя безъисходная работа!

Но если-бъ освободивши тебя отъ помѣщиковъ, тебя втрое больше мучили, втрое больше грабили, то и тогда было-бъ лучше, чѣмъ оставаться при помѣщикахъ!

Только теперь, когда ты освободился отъ помѣщиковъ, можешь ты поднять свою низко опущенную голову. Только теперь можешь ты открыть глаза и увидѣть, гдѣ корень всѣхъ твоихъ мукъ; только теперь можешь ты понять, какъ освободиться отъ нихъ, потому не дрожишь ты теперь всю жизнь какъ собака, надъ которой вѣчно поднятъ кнутъ; не боишься ты, что какой нибудь сукинъ сынъ можетъ отдать тебя въ солдаты за грубое слово, можетъ засѣчь до смерти твоего старика-отца, можетъ отнять у жениха твою дочь, чтобъ изнасиловать ее.

Вотъ что ты получилъ черезъ то, что освободился отъ помѣщиковъ. Ты сталъ теперь человѣкомъ.

Больше же ты ничего не получилъ.

Не уменьшились ни на каплю твои горькія муки. Всю ту нужду, всѣ тѣ лишенія, всѣ тѣ горести, которыя ты терпѣлъ отъ помѣщиковъ, ты терпишь и теперь. Вся разница въ томъ, что прежде ты видѣлъ, кто причина всѣхъ твоихъ мукъ, видѣлъ, въ чьихъ рукахъ все твое счастіе и несчастіе. И ты трепеталъ отъ одного его взгляда; ты чувствовалъ, что ты весь въ его власти, что передъ нимъ ты — червякъ, ползающій по землѣ, и что ему стоитъ только топнуть ногой, чтобъ раздавить тебя.

И не смѣлъ поднять ты свою несчастную голову, и душилъ ты свои стоны и проклятья, и глубоко въ сердцѣ своемъ пряталъ ты ненависть къ своимъ злодѣямъ!

Теперь не то.

Но не облегчились твои муки: помѣщики заставляли тебя работать съ утра до ночи. А развѣ теперь ты меньше работаешь? Развѣ теперь легче твоя работа?

Помѣщики отнимали у тебя все, что могли отнять; они держали тебя въ вѣчной нуждѣ. А развѣ теперь хозяева меньше грабятъ тебя? Развѣ на свой заработокъ ты живешь лучше?

Помѣщики тиранили тебя за всякую вину или безъ всякой вины. А развѣ теперь красна твоя жизнь? Тебя не бьютъ, тебя не засѣкаютъ; но тебя замариваютъ голодомъ вмѣстѣ съ семьей! А развѣ это не также страшно?

Помѣщики насиловали мужицкихъ женъ и дочерей. А развѣ теперь они не насилуютъ ихъ? Развѣ не твоихъ это дочерей и сестеръ нужда гонитъ толпами

въ города, гдѣ они продаютъ себя для разврата тѣмъ же помѣщикамъ и всѣмъ твоимъ кровопійцамъ?

Да, тѣ-же муки терпишь ты, что терпѣлъ и отъ помѣщиковъ, только теперь они какъ будто сами собой падаютъ на твою голову. Теперь ты не видишь больше человѣка, который держитъ въ рукахъ твое счастіе и несчастіе, — потому что теперь нѣтъ такого человѣка. Ни одинъ купецъ или помѣщикъ не страшенъ тебѣ, ни передъ однимъ не долженъ ты дрожать, потому отъ каждаго ты можешь уйдти, когда захочешь. Но за то тѣмъ страшнѣе они всѣ вмѣстѣ. Всѣ вмѣстѣ они имѣютъ такую страшную власть надъ тобой, какую не можетъ имѣть никакой помѣщикъ. Отъ помѣщика ты могъ убѣжать. Отъ хозяина-же тебѣ нигдѣ не спастись, потому куда-бы ни убѣжалъ ты, всюду попадешь ты въ когти къ такому же хозяину. Теперь страшны не люди, а самый порядокъ.

Помѣщичій порядокъ, это — волкъ, который напалъ на тебя въ дремучемъ лѣсу.

Теперешній, напимательскій порядокъ, это—озеро, въ которомъ разводятся пьявки. Не страшна ни одна пьявка, потому что ты легко можешь отбросить ее отъ себя. Но горе тебѣ, если ты попалъ въ такое озеро! Сотни и тысячи ихъ со всѣхъ сторонъ облѣпятъ тебя, и напрасно ты будешь метаться по озеру — всюду кишитъ оно той-же мерзкой гадиной! Напрасно будешь рвать ты со своего тѣла этихъ скользкихъ и противныхъ червей — на ихъ мѣсто накинутся новыя, и съ каждой минутой все гуще и гуще будутъ они облѣплять тебя своими черными клубками, съ каждой минутой все больше и больше будутъ они высасывать крови твоей! Одно спасеніе

тебѣ — вырваться поскорѣй изъ озера, пока еще не всѣ силы покинули тебя!

Страшенъ помѣщицкій порядокъ. Велики муки, которыя терпѣлъ народъ отъ помѣщиковъ. Но теперешній, капиталистическій порядокъ еще ужаснѣе. Онъ ужасенъ тѣмъ, что при немъ народу съ каждымъ годомъ будетъ все хуже и хуже. Съ каждымъ годомъ муки его будутъ все больше и больше, и не можетъ быть этому предѣла.

Триста лѣтъ томился народъ въ помѣщичьей кабалѣ. Но и передъ самой волей ему жилось ничуть не хуже, чѣмъ сто лѣтъ тому назадъ, когда поднимался Пугачевъ, и двѣсти лѣтъ тому назадъ, когда поднимался Разинъ.

Какая же причина тому?

Вотъ какая: Помѣщикъ грабитъ мужиковъ только по жадности. Онъ можетъ грабить ихъ меньше, чѣмъ другіе грабятъ, и онъ не разорится отъ этого. А коли онъ будетъ грабить ихъ больше, чѣмъ другіе помѣщики, то этимъ онъ не разоритъ другихъ.

Теперь-же купецъ не можетъ этого дѣлать. Онъ долженъ грабить своихъ рабочихъ столько-же, какъ другіе купцы — иначе онъ разорится. А коли онъ самъ станетъ грабить своихъ работниковъ больше, чѣмъ другіе купцы, то другіе купцы должны будутъ перенять это отъ него — иначе онъ разоритъ ихъ.

Какая же причина такой разницы?

Причина та, что прежде работники были крѣпостными, а теперь стали вольнонаемными. Значитъ, причина эта въ самомъ корнѣ теперешняго порядка и только тогда не будетъ ее, когда погибнетъ самый теперешній порядокъ.

Коли въ старину помѣщикъ начиналъ грабить своихъ мужиковъ больше, чѣмъ всѣ другіе, заставлялъ ихъ, напримѣръ, работать на себя 5 дней въ недѣлю вмѣсто трехъ, то отъ этого онъ нѣкоторое время получалъ немного больше доходу — вотъ и все. Другимъ же помѣщикамъ отъ этого не было ни тепло, ни холодно. Никогда онъ не могъ не только разорить ихъ, но даже отнять у нихъ одинъ рубль доходу. Вѣдь весь свой доходъ помѣщики получали отъ даровой работы своихъ крѣпостныхъ. Чтобы разорить другихъ помѣщиковъ, жадный помѣщикъ долженъ бы былъ отнять у нихъ этихъ даровыхъ работниковъ и перетянуть ихъ къ себѣ. А этого онъ не могъ сдѣлать, потому что они были крѣпостными. Значитъ, въ концѣ концевъ, выходило только то, что жадный помѣщикъ кралъ у своихъ мужиковъ по 5 дней въ недѣлю, а другіе по 3 дня въ недѣлю. Но этихъ трехъ дней онъ никакъ не могъ лишить ихъ. Они по прежнему воровали эти дни у мужика и ходили въ церковь и говорили: „благодарю тебя, господи, что я такой кроткій да милостивый къ мужикамъ сиволапымъ“.

Но мало того, что помѣщикамъ не было нужды, имъ не было и выгоды перенимать отъ жаднаго, коли онъ заставлялъ своихъ мужиковъ 5 дней въ недѣлю работать на него.

Только малое время жадный будетъ получать больше доходу. Но въ концѣ концевъ онъ не только не разбогатѣетъ, а разорится. Онъ разоритъ своихъ мужиковъ въ конецъ. У нихъ не будетъ ни скотины, ни снаряда. Они сами истощатся, ослабѣютъ, даже перемрутъ прежде времени отъ нужды и работы. Значитъ, въ концѣ концевъ, онъ самъ разорится, потому весь свой доходъ онъ получаетъ отъ даровой работы своихъ собственныхъ мужиковъ. Онъ не можетъ прогнать ихъ, а вмѣсто нихъ набрать новыхъ, свѣжихъ,

какъ фабрикантъ или теперешній помѣщикъ своихъ вольнонаемныхъ.

Вотъ, почему при помѣщицкомъ порядкѣ народу живется всегда одинаково тяжело. Изъ помѣщиковъ одни грабятъ своихъ мужиковъ какъ только силъ хватаетъ. Другіе грабятъ меньше. Жадныхъ смѣняютъ болѣе разсчетливые, которые понимаютъ, что невыгодно десять разъ на-день корову доить, невыгодно каждую недѣлю овецъ стричь. И вотъ овцы опять обростаютъ маленько шерстью, пока не попадутъ снова къ такому, который острижетъ ихъ дòгола. И тянется такъ цѣлыя сотни лѣтъ, потому всегда между помѣщиками одинако — жадныхъ и разсчетливыхъ.

Не то при теперешнемъ, нанимательскомъ порядкѣ. Теперь хозяинъ не можетъ дѣлать, что̀ самъ хочетъ; онъ долженъ соображать, что̀ другіе дѣлаютъ.

При теперешнемъ порядкѣ всѣ хозяева тоже, что крупинки въ одномъ и томъ-же кускѣ сахара.

Возьми самый большой кусокъ и чуть-чуть опусти самый кончикъ въ воду — черезъ минуту весь кусокъ будетъ мокрый.

Такъ-же точно и теперь.

Коли одинъ хозяинъ станетъ дѣлать какую нибудь мерзость, станетъ грабить рабочихъ больше, чѣмъ другіе, станетъ заставлять ихъ работать больше, то черезъ нѣсколько времени всѣ хозяева должны будутъ перенять это отъ него, должны будутъ дѣлать ту-же мерзость.

Положимъ, что работникъ сработаетъ хозяину на рубль въ день, а получаетъ полтину. Это значитъ, что онъ работаетъ на него даромъ по полъ-дня въ день, или тѣ-же 3 дня въ недѣлю, какъ и на помѣщика.

Но вотъ между ними выискался одинъ мерзавецъ, которому мало показалось этого. Онъ пользуется тѣмъ, что его работникамъ ѣсть нечего, и уменьшаетъ плату съ полтины на 30 копѣекъ. Это то-же, какъ если помѣщикъ заставляетъ своихъ крѣпостныхъ работать на себя 4 слишкомъ дня въ недѣлю, вмѣсто трехъ. Но тогда онъ одинъ это дѣлалъ, теперь-же всѣ хозяева должны будутъ черезъ нѣсколько времени перенять, т. е. уменьшить плату съ полтины на 30 копѣекъ, иначе сами раззорятся до нитки.

Вотъ, какъ это случится.

Нашему хозяину товаръ, который одинъ работникъ сдѣлаетъ въ день (положимъ, напримѣръ, 5 аршинъ ситцу) обходится на двугривенный дешевле, чѣмъ всѣмъ другимъ. Коли онъ пуститъ его гривенникомъ дешевле, то онъ съ 5 аршинъ получитъ лишній гривенникъ барыша, и товаръ ето будутъ покупать на расхватъ. А товаръ другихъ хозяевъ будетъ идти плохо. Они потерпятъ порядочные убытки, и должны будутъ отпустить часть своихъ работниковъ. А нашъ купецъ сильно разбогатѣетъ. Онъ ужъ найметъ вдвое больше рабочихъ, надѣлаетъ вдвое больше товару и опять пуститъ его гривенникомъ дешевле. Опять его товаръ покупаютъ на расхватъ. А товаръ другихъ хозяевъ идетъ еще хуже, они еще больше раззоряются. А нашъ еще больше богатѣетъ, нанимаетъ еще больше рабочихъ и вывозитъ на рынокъ еще больше товару.

Наконецъ товаръ другихъ хозяевъ совсѣмъ перестаетъ идти, потому что нашъ надѣлаетъ его столько, что всякій, кому нужно этого товару, можетъ купить его у него гривенникомъ дешевле. А кому жъ охота бросать даромъ гривенникъ?

Ну, а что жъ тогда другіе-то хозяева? Другіе хо-

зяева раззорятся въ конецъ. Они должны будутъ отпустить всѣхъ своихъ работниковъ, потому что у нихъ нечѣмъ будетъ платить имъ. Они должны будутъ продать за безцѣнокъ свои фабрики нашему хозяину, должны будутъ наконецъ сами наняться къ нему въ работники, потому что раззорешному купцу ничего не остается.

Вотъ, что непремѣнно случилось бы, коли-бъ другіе хозяева вздумали твердо держаться на своемъ и не захотѣли бы уменьшить плату рабочимъ.

Понятно, что другіе хозяева никогда не могутъ допустить этого. Они тоже уменьшатъ плату, потому никто самъ себѣ не надѣнетъ веревки на шею.

Вотъ, почему теперешній порядокъ много ужаснѣе стараго. Съ каждымъ годомъ муки народа должны увеличиваться, потому что всегда между хозяевами найдутся подлецы, которымъ покажется мало того, что они уже грабятъ у работниковъ; подлецы, которые захотятъ отнять у нихъ послѣдній кусокъ изо рта. А тогда и всѣ должны будутъ мало по малу перенять это, коли-бъ даже имъ и не хотѣлось.

При помѣщицкомъ порядкѣ все зависѣло отъ помѣщика. Помѣщикъ попадался добрый—и народу становилось легче. Онъ могъ вдвое, вчетверо меньше грабить своихъ мужиковъ и все таки не раззорялся.

Теперь же отъ хозяина ничего не зависитъ. Онъ можетъ быть кротокъ какъ овечка, но если только онъ останется хозяиномъ, то онъ долженъ грабить своихъ работниковъ какъ и всѣ другіе, иначе онъ раззорится. Онъ долженъ съ каждымъ годомъ грабить ихъ все больше и больше какъ и всѣ другіе, иначе онъ опять таки раззорится.

Теперешній порядокъ то-же что пожаръ лѣтомъ въ степи, гдѣ отъ солнца вся трава высохла какъ

солома. Со страшной быстротой вѣтеръ гонитъ огонь по степи на многіе десятки верстъ, пока рѣка или оврагъ не остановитъ его. Дикіе звѣри, табуны и всадники, всѣ должны нестись не переводя духу впередъ, чтобы не нагналъ ихъ страшный огонь. И горе тому, у кого не хватитъ силы, кто ослабѣетъ въ этомъ дикомъ бѣгѣ! Неминучая гибель ждетъ его, потому огонь не знаетъ жалости.

Теперешній порядокъ также безжалостенъ какъ и огонь. Нѣтъ отъ него пощады отсталому. Нѣтъ пощады тому, у кого есть сердце, у кого оно не превратилось въ камень, у кого не выросли звѣриные когти на рукахъ!

Не люди страшны теперь, а самый порядокъ. Вотъ потому-то онъ и ужаснѣе стараго. У человѣка есть жалость, есть разумъ. У цѣлаго же порядка нѣтъ ни разума, ни жалости.

Когда здоровый быкъ вырвется на улицу, то какъ бы свирѣпъ онъ ни былъ, его всегда можно снова загнать въ стойло. Когда же на улицу вырвется бѣшеный быкъ, тогда — бѣда! Онъ помчится впередъ безъ удержу. Онъ истопчетъ ногами и вскинетъ на рога всякаго, кто вздумаетъ остановить его, потому не знаетъ онъ страха, не понимаетъ угрозъ. Чтобъ остановить его свирѣпства, остается только его убить!

Теперешній порядокъ — это такой бѣшеный быкъ.

Вотъ почему разрушеніе всего теперешняго порядка не только необходимо для счастія рода человѣческаго, но и неизбѣжно, потому что должно лопнуть наконецъ терпѣніе самаго терпѣливаго народа, какъ должна разорваться самая крѣпкая веревка, когда на нее навѣшиваютъ все больше и больше грузу.

О ТОМЪ,
СЪ КАКОЙ СТРАШНОЙ БЫСТРОТОЙ ДОЛЖНЫ УВЕЛИЧИВАТЬСЯ МУКИ НАРОДА ПРИ ТЕПЕРЕШНЕМЪ ПОРЯДКѢ.

Если ты нальешь бочку водой до верху и поставишь въ саду своемъ, а какой нибудь человѣкъ провертитъ дырочку въ днѣ ея, то съ каждымъ часомъ вода будетъ все убывать да убывать. Но все таки она будетъ убывать медленно. Много времени пройдетъ прежде, чѣмъ она вытечетъ до дна.

Когда же этотъ самый человѣкъ начнетъ кидать въ бочку огромные камни и бревна, когда онъ цѣлыя клепки сразу выбивать будетъ, тогда вода разомъ хлынетъ въ три ручья, и въ одну минуту не останется ея и слѣда, потому никогда не починить тебѣ всѣхъ дыръ, что онъ попробиваетъ, никогда не вернуть тебѣ той воды, что разъ вытекла изъ нихъ.

Счастіе рабочаго человѣка при теперешнемъ порядкѣ, это — та-же дырявая бочка!

Я говорилъ въ прошлой главѣ (Палочная и голодная кабала), почему при теперешнемъ порядкѣ рабочему человѣку должно дѣлаться съ каждымъ годомъ все хуже и хуже. Но если-бъ муки его увеличивались только отъ того, что при теперешнемъ порядкѣ хозяева должны перенимать одинъ у другого всякое грабительство, то они все-таки увеличивались бы медленно.

А на дѣлѣ это не такъ. На дѣлѣ муки его должны увеличиваться съ такой быстротой, что трудно повѣрить; потому — какъ огромные камни въ бочку,

такъ летятъ на голову рабочихъ одно за другимъ страшныя несчастія, которыя сразу отдаютъ ихъ въ руки хозяевъ, сразу дѣлаютъ ихъ изъ богатыхъ нищими, изъ вольныхъ — кабальными.

Объ нихъ-то мы и потолкуемъ теперь.

Какія же это несчастія?

Это прежде всего — машины.

Но неужели отъ машины можетъ быть какое нибудь несчастіе человѣку? Вѣдь машина облегчаетъ трудъ. Машина ускоряетъ трудъ: съ машиной одинъ человѣкъ сдѣлаетъ столько, сколько руками сотнѣ не сдѣлать. Такъ неужели-же, отъ этого можетъ быть несчастіе?

Нѣтъ, не отъ этого несчастіе. Не отъ самой машины идетъ оно, а отъ того, что машиной владѣютъ хозяева.

Коли-бъ не было хозяевъ, коли-бъ артели рабочихъ владѣли землей, фабриками и заводами, тогда отъ всякой машины облегчался-бы трудъ народа и увеличивалось его богатство. Кромѣ счастія она ничего не принесла-бы съ собой.

При теперешнемъ-же порядкѣ не то: машина — самая страшная злодѣйка для рабочихъ. Ничего кромѣ зла она не приноситъ рабочимъ.

Прежде всего, тѣ хозяева, которые завели машины, должны прогнать изъ своихъ рабочихъ половину, или даже гораздо больше. При машинѣ имъ нечего дѣлать.

Вотъ, первое, что приноситъ рабочимъ машина. Но это только цвѣточки!

Хозяева, которые завели машину, могутъ пустить свой товаръ въ десятеро дешевле ручнаго и все таки они получатъ огромный барышъ, потому что машин-

ный товаръ имъ самимъ обходится въ пятьдесятъ, во сто, въ двѣсти разъ дешевле ручнаго.

Они такъ, конечно, и дѣлаютъ, потому тогда ихъ товаръ начинаютъ покупать на расхватъ и они богатѣютъ не по днямъ, а по часамъ.

Ну, а что же тѣ, которые ручной товаръ дѣлаютъ?

Тѣ разоряются въ конецъ, потому что товара ихъ никто не покупаетъ.

И вотъ разоряются и отпускаютъ всѣхъ своихъ рабочихъ всѣ небогатые хозяева, которымъ не подъ силу завести машину. Разоряются и всѣ работники, которые прежде на себя работали.

Вотъ, что дѣлаетъ машина, оттого что она въ рукахъ хозяевъ.

И это не только одни соображенія да разсчеты. Нѣтъ, такъ всегда бываетъ и на дѣлѣ. Всегда и во всѣхъ земляхъ, когда вводятъ новую машину, десятки и сотни тысячъ рабочихъ сразу остаются безъ работы и должны умирать съ голоду вмѣстѣ со своими семьями.

А хозяевамъ этого только и нужно.

Какъ стая коршуновъ накидывается на павшаго коня, такъ хозяева накидываются на рабочихъ, чтобъ утолить свою ненасытную утробу ихъ тѣломъ и кровью. Они знаютъ, что не оборониться теперь отъ нихъ работникамъ!

Голодъ заставляетъ работниковъ идти за гораздо меньшую плату, чѣмъ прежде. Голодъ заставляетъ ихъ соглашаться на всякую работу!

А когда соглашаются голодные, тогда и тѣ работники, что не теряли работы, тоже должны согласиться, потому иначе хозяинъ прогонитъ ихъ и возьметъ на ихъ мѣсто изъ голодныхъ.

Вотъ, почему отъ каждой машины терпятъ **всѣ**

работники, всѣмъ дѣлается хуже послѣ каждой машины.

А вѣдь машины все выдумываются и выдумываются; хозяева все заводятъ и заводятъ ихъ, и не будетъ этому конца. И отъ каждой машины работники терпятъ тоже самое!

И вотъ, какъ мячикъ, который столкнули съ верху лѣстницы, скатывается со ступеньки на ступеньку все ниже и ниже, какъ свая съ каждымъ ударомъ тяжелой бабы вгоняется въ землю все глубже и глубже, такъ точно чрезъ машины хозяева все крѣпче и крѣпче душатъ рабочаго, все глубже и глубже запускаютъ въ его тѣло свои когти.

Все отнимаютъ хозяева у рабочаго чрезъ машины.

Прежде онъ работалъ на себя, былъ самъ себѣ хозяинъ.

Машиной хозяева подорвали его и заставили бросить свою работу, чтобъ идти къ нимъ въ кабалу.

Прежде, поработавши нѣсколько лѣтъ, каждый работникъ дѣлался мастеромъ. Коли даже онъ на хозяина работалъ, то получалъ хорошую плату.

Машина же и это отняла у него. Для машинной работы не нужно мастерства, не нужно даже и силы. Баба и даже ребенокъ могутъ дѣлать все, что нужно, при машинной работѣ. И вотъ работникъ всю жизнь остается чернорабочимъ. Нѣтъ ему больше нигдѣ просвѣта. Онъ знаетъ, что и чрезъ пять и чрезъ десять лѣтъ онъ будетъ также маяться, будетъ получать все такое же нищенское жалованье.

Вотъ, что дѣлаетъ теперь машина и что она всегда и повсюду дѣлала, гдѣ только ни заводилась.

Тоже видно уже и у насъ.

Только 15 лѣтъ какъ началось у насъ царство купцовъ, царство богатыхъ. Еще только начали за-

водиться у насъ большія фабрики, гдѣ работаютъ машинами, а уже видно, чего ждать отъ нихъ рабочему человѣку.

Обойди всѣ наши фабричныя губерніи, обойди Владимірскую губернію, гдѣ по деревнямъ нитки мотаютъ и ситцы ткутъ. Вся семья, всѣ дѣти работаютъ тамъ по 15 часовъ въ день; а знаешь-ли, по скольку они зарабатываютъ? По 20 копѣекъ въ день! А развѣ прежде такъ было? Спроси — и они скажутъ тебѣ, что лѣтъ семь, десять тому назадъ, зарабатывали вчетверо, впятеро больше; что и въ прошломъ, и позапрошломъ году зарабатывали больше. Почему же все уменьшается ихъ плата?

Потому что по сосѣдству купецъ завелъ фабрику, гдѣ машинами работаютъ.

Обойди Тульскую, обойди Нижегородскую губернію, гдѣ стальныя и желѣзныя вещи дѣлаютъ. Обойди всѣ губерніи, гдѣ народъ домашними промыслами живетъ — и всюду ты увидишь тоже самое, всюду народъ работаетъ теперь столько, какъ никогда ни на какого помѣщика не работалъ. Всюду онъ живетъ теперь въ такой страшной нищетѣ, въ какой не держали его никакіе помѣщики. А спроси: такъ ли они въ старину живали мастерствомъ? Нѣтъ, прежде они жили вчетверо богаче. Только теперь, когда для всѣхъ трудныхъ работъ завели машины, стали они жить такъ, потому что рабочему не угоняться за машиной.

Вотъ, что уже успѣли сдѣлать машины повсюду, гдѣ у народа есть какіе нибудь промыслы. А вѣдь это только начало. Вѣдь машины еще не успѣли расплодиться у насъ, еще не успѣли онѣ сдѣлать и половины того, что сдѣлали въ чужихъ земляхъ: онѣ не успѣли еще разорить вольныхъ мастеровыхъ въ

конецъ. Эти мастеровые еще держатся и еще работаютъ на себя.

Но при теперешнемъ порядкѣ у рабочихъ есть еще одинъ врагъ, еще болѣе страшный, чѣмъ машины. Только въ чужихъ земляхъ еще свирѣпствуетъ онъ; у насъ же его еще и видомъ не видать и слыхомъ не слыхать. Но уже обернулъ онъ свои злыя очи и на нашу землю, уже и на насъ идетъ онъ. Горе же тебѣ, русскій народъ, потому тебѣ ли устоять противъ него, когда уже всѣ народы повалилъ онъ на землю подъ ноги купцовъ и хозяевъ? А вѣдь эти народы были посильнѣй тебя.

Но кто же этотъ страшный, еще невѣдомый врагъ?

Этотъ врагъ — торговые погромы.

Не бывало еще у насъ этихъ погромовъ. Самого слова этого не слыхалъ ты. Такъ послушай же, что такое эти погромы, потому и у насъ скоро будутъ они.

Торговымъ погромомъ называется неожиданный, страшный застой въ торговлѣ и въ работѣ, когда множество хозяевъ сразу разоряется и сразу отпускаетъ всѣхъ своихъ рабочихъ, и стало быть сразу оставляетъ ихъ безъ куска хлѣба. Ни одна машина въ мірѣ не можетъ разомъ выгнать на улицу такое множество рабочихъ, какъ выгоняютъ такіе погромы. Не рѣдко случается, что черезъ нихъ половина всѣхъ рабочихъ должна умирать съ голоду!

Вотъ, что такое эти погромы. Вотъ почему они много ужаснѣе всякихъ машинъ.

Какая же причина этихъ погромовъ?

Причина ихъ та, что при теперешнемъ порядкѣ всѣ хозяева не только враги рабочихъ, но и враги другъ другу.

Каждый хозяинъ съ завистью смотритъ на удачу

другаго, потому, не удайся другому, онъ самъ получилъ бы этотъ барышъ. Каждый радъ разсорить другаго, потому что тогда чужіе барыши къ нему въ карманъ перейдутъ.

Никогда нѣтъ мира между хозяевами. Они вѣчно борятся, вѣчно воюютъ одинъ съ другимъ, чтобы вырвать другъ у друга изъ зубовъ лишній барышъ.

Поле, гдѣ бьются они, это — рынокъ; оружіе, которымъ они бьются, это — торговля.

Вотъ, отъ этого то и выходятъ эти погромы.

Дѣло идетъ такъ: положимъ, разнаго товару потребовалось въ этомъ году больше чѣмъ въ прошломъ. Колибъ фабриками владѣли артели рабочихъ, которыя постоянно сносятся одна съ другой, постоянно обмѣниваются своими товарами, то чтобы было? Они прежде всего узнали бы, насколько больше товару потребовалось, а потомъ сообразили бы, какія еще артели кромѣ ихней этотъ-же товаръ дѣлаютъ и на сколько каждая больше сдѣлать можетъ. Только тогда они увидѣли бы, сколько имъ самимъ слѣдуетъ сдѣлать товару, чтобъ не надѣлать лишняго.

Почему же было бы такъ?

Потому, что артели рабочихъ не враги, а друзья.

Одна артель рабочихъ не захочетъ разсорять другую артель рабочихъ. Да это было бы и невыгодно ей, какъ купцу невыгодно разсорить своего покупателя, мастеру своего давальца, хозяину своего поставщика, потому что каждая артель для другой и покупатель и давалецъ и поставщикъ.

Теперь не то.

Когда отъ разныхъ причинъ, про которыя здѣсь нечего говорить, какихъ нибудь товаровъ потребуется больше, чѣмъ прежде, то товаръ этотъ сильно поднимается въ цѣнѣ. Тогда хозяева напересрывъ

начинаютъ дѣлать какъ только могутъ больше товару, чтобъ продать его по дорогой цѣнѣ и получить лишній барышъ. Ни одинъ не думаетъ и не хочетъ думать о томъ, что и другой тоже дѣлаетъ этотъ товаръ. Онъ вовсе не соразмѣряется съ этимъ. Онъ старается лишь перегнать всѣхъ своихъ товарищей, надѣлать побольше товару, вывезти его поскорѣй на рынокъ и продать съ барышомъ. Что ему до того, что другіе разсорятся? Это ему еще на руку — больше покупателей на его долю останется.

Такъ думаютъ всѣ хозяева отъ перваго до послѣдняго. И вотъ всѣ они начинаютъ работать точно взапуски. Они затрачиваютъ весь свои капиталъ, занимаютъ денегъ, гдѣ только могутъ, забираютъ матеріаловъ въ долгъ и работаютъ какъ бѣшеные.

Тѣ хозяева, которые опередятъ всѣхъ, которые прежде всѣхъ вывезутъ свой товаръ, получаютъ огромные барыши. Другіе не получаютъ ни убытковъ, ни барышей, потому что первые хозяева уже сбили цѣну.

Когда же бо́льшая часть хозяевъ вывезетъ наконецъ свой товаръ, то его вдругъ оказывается такъ много, что цѣна его страшно падаетъ. Вмѣсто огромныхъ барышей хозяева получаютъ огромные убытки.

Денегъ нѣтъ. Долговъ платить нечѣмъ.

Вотъ, тогда то множество хозяевъ разсоряется одинъ за другимъ и закрываютъ свои фабрики. Несмѣтное число рабочихъ остается сразу безъ куска хлѣба!

И вотъ вся эта голодная, оборвавшая толпа тѣснится у воротъ фабрикъ и заводовъ и молитъ дать работу, какъ нищіе кусокъ хлѣба. Теперь они всѣ въ полной власти у хозяина. Сколько ни положитъ онъ жалованья, они съ радостью возьмутъ; сколько ни заставитъ онъ ихъ работать, они на все согла-

сятся, потому что каждый знаетъ, что нѣтъ ему выбора.

Тѣ хозяева, которые не раззорились, и пользуются этимъ. Для нихъ теперь разливанное море; грабь — не хочу.

И не день, не два, тянется такая безработица. Она тянется по нѣскольку лѣтъ подъ рядъ, пока новые хозяева, которые стали на мѣсто раззоренныхъ, не насосутся снова кровью рабочихъ и не станутъ также богаты, какъ и до погрома.

Вотъ, что такое торговый погромъ.

Понятно, какъ онъ долженъ отозваться на рабочихъ. Понятно, что черезъ одинъ такой погромъ хозяева такъ закабалятъ рабочихъ, какъ никогда не закабалить машинами.

Вотъ, почему при теперешнемъ, нанимательскомъ порядкѣ муки народа не только должны увеличиваться, но должны увеличиваться съ страшной, неслыханной быстротой. И такъ должно быть повсюду, гдѣ только народъ работаетъ по найму, потому что повсюду должны быть эти погромы. Вѣдь причина ихъ въ томъ, что хозяева — враги, которые торговлей силятся всегда подорвать другъ друга. А на этомъ держится весь теперешній порядокъ.

Значитъ, всегда и повсюду должны быть эти торговые погромы. Разница можетъ быть только въ величинѣ ихъ. Можетъ быть страшный погромъ, отъ котораго раззорится половина всѣхъ хозяевъ. Тогда, значитъ, половина всѣхъ рабочихъ останется безъ куска хлѣба.

Можетъ быть малый погромъ, отъ котораго раззорится двадцатая часть всѣхъ хозяевъ. Тогда это уже не называется погромомъ, а просто застоемъ въ торговлѣ. Отъ такого погрома рабочіе скорѣе

терпятъ какъ отъ новой машины: околѣвать съ голоду будетъ только двадцатая часть рабочихъ.

У насъ еще не бывало большихъ погромовъ, потому что у насъ еще мало фабрикъ и заводовъ, и торговля у насъ самая малая. Но застои и у насъ бывали, потому что и у насъ всѣ хозяева — враги, соперники. Какъ собаки, завидѣвши кость, всей оравой кидаются на нее и начинаютъ грызться, чтобъ вырвать ее одна у другой, такъ точно и купцы кидаются всей оравой на барышъ. Какъ только сильно поднялась цѣна товара, они начинаютъ его дѣлать взапуски, чтобъ вырвать одинъ у другаго этотъ барышъ изъ зубовъ. Всѣ вмѣстѣ они всегда надѣлаютъ товару больше, чѣмъ нужно. Онъ падаетъ въ цѣнѣ, и они раззоряются: наступаетъ погромъ.

Но пока фабрикъ мало, погромы не могутъ быть большими.

Вотъ, почему у насъ еще не было настоящихъ погромовъ.

Не то — въ чужихъ земляхъ.

Тамъ не только бываютъ такіе страшные погромы, какихъ у насъ и понять нельзя, но что еще страшнѣй — они повторяются тамъ очень часто, потому что, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ застоя, новые хозяева заступаютъ мѣсто тѣхъ, которые раззорились. Нѣсколько лѣтъ торговля и работа идутъ хорошо. А тамъ, вдругъ, опять поднялась цѣна товаровъ, опять хозяева кидаются работать взапуски, — и опять погромъ!

Сосчитано, что въ чужихъ земляхъ на каждые десять лѣтъ приходится по одному большому погрому!

Вотъ, тотъ страшный обухъ, которымъ хозяева добиваютъ рабочихъ, какъ мясникъ добиваетъ быка!

Машины закабалили вольныхъ мастеровыхъ. Ма-

шины повалили рабочихъ къ ногамъ хозяевъ. Погромы же добили ихъ на̀ смерть. Погромы отняли у рабочихъ все, что осталось еще у нихъ. Чуть поднимутъ рабочіе голову, сейчасъ-же, какъ бревно, огорашиваетъ ихъ новый погромъ, и они снова, со стономъ, падаютъ на землю!

И такъ будетъ всюду и всегда, пока стоитъ теперешній порядокъ, пока рабочіе не сдѣлаются сами хозяевами.

Только тогда машины не будутъ губить рабочихъ, когда они сами будутъ хозяевами этихъ машинъ.

Только тогда не будетъ торговыхъ погромовъ, когда фабриками и заводами будутъ владѣть артели рабочихъ.

Однимъ словомъ: только тогда, когда вмѣсто теперешняго нанимательскаго порядка наступитъ работницкій.

Значитъ — одно спасеніе рабочимъ, это — истребить весь теперешній порядокъ и установить на его мѣсто работницкій. Отнять землю, фабрики и заводы отъ хозяевъ и владѣть ими артелью.

Если бъ рабочіе остановились на половинѣ дѣла: не сдѣлались сами хозяевами, а только заставили хозяевъ увеличить плату а начальство сбавить подати, то они ничего бы не выиграли. Завелись бы новыя машины, разразились бы новые погромы, толпы рабочихъ остались бы безъ куска хлѣба и согласились бы идти работать за меньшую плату. И не прошло бы лѣтъ 15—20, какъ рабочіе мало по малу потеряли бы все что получили и стали бы такими же нищими, какъ были и прежде.

Теперешній порядокъ это—топкое болото. А человѣкъ, который думаетъ облегчить участь народа и безъ разрушенія всего теперешняго порядка, подо-

меньщику, который вынимаетъ со дна болота камни и строитъ домъ на томъ же болотѣ.

Безумецъ! Осуши прежде болото! Ужель не видишь ты, что болото засасываетъ домъ твой и напрасно пропадаютъ всѣ труды твои?

НАНИМАТЕЛЬСКІЙ ПОРЯДОКЪ У ДРУГИХЪ НАРОДОВЪ.

До сихъ поръ я говорилъ тебѣ, почему при теперешнемъ порядкѣ муки народа должны увеличиваться съ страшной быстротой. Теперь же я покажу тебѣ, что такъ не только должно быть, но и бываетъ взаправду.

У насъ нанимательскій порядокъ начался всего 15 лѣтъ, т. е. послѣ воли. Только со вчерашняго дня народъ русскій попалъ въ голодную кабалу, въ кабалу къ нанимателямъ. Не то другіе народы. Всѣ они уже давно томятся въ этой кабалѣ. Вотъ тамъ то мы и узнаемъ, какова эта голодная кабала.

У всѣхъ народовъ дѣло шло одинаково. Всѣ народы въ старину были крѣпостными, а потомъ, освободившись такъ или иначе отъ помѣщиковъ, вмѣсто воли попали въ новую кабалу къ богатымъ.

Я не буду разсказывать тебѣ про то, до чего довела голодная кабала всѣ народы. Это растянуло бы мою книжку и безъ того длинную. Да и нѣтъ нужды въ этомъ, потому всѣ народы довела она до того же самаго.

Я разскажу тебѣ только про Англію, потому въ ней нанимательскій порядокъ начался всего раньше. Но и въ Англіи онъ начался всего лѣтъ 100 тому назадъ, значитъ можно сказать, что очень недавно,

потому что Англійское государство стоитъ уже 1400 лѣтъ.

Но въ эти 100 лѣтъ голодной кабалы наниматели довели англійскій народъ до того, до чего ни цари, ни попы, ни помѣщики не могли довести его въ полторы тысячи лѣтъ!

Нанимательскій порядокъ, это — холера. Не бываетъ человѣкъ долго боленъ холерою. Онъ можетъ выносить ее всего нѣсколько дней. Послѣ нѣсколькихъ дней болѣзни, онъ долженъ либо умереть, либо быстро выздоровѣть.

Такъ-же точно и нанимательскій порядокъ. Народъ не можетъ выносить его такъ долго, какъ помѣщичій. Онъ погибнетъ, если не освободится отъ него скоро.

Все это ты самъ сейчасъ увидишь.

Въ Англіи нанимательскій порядокъ, т. е. такой, когда народъ работаетъ на купцовъ и помѣщиковъ по найму, начался, какъ я сказалъ, лѣтъ 100 тому назадъ.

Но англичане попали въ кабалу къ нанимателямъ не прямо изъ крѣпостной кабалы, какъ у насъ, а отъ вольной работы. Въ старину, въ Англіи, рабочіе работали на себя въ своихъ домашнихъ мастерскихъ, гдѣ отецъ работалъ вмѣстѣ съ сыномъ и съ однимъ, двумя учениками, которые, обучившись, сами дѣлались мастерами. Товаръ свой они сами-же и продавали. Значитъ, рабочіе работали на себя.

Но замѣть себѣ, что этотъ порядокъ — не тотъ, который я назвалъ работницкимъ, и который наступитъ, когда погибнетъ теперешній — нанимательскій. Этотъ порядокъ можно, пожалуй, назвать полуработницкимъ. Въ настоящемъ работницкомъ порядкѣ рабочіе работаютъ не только на себя, но, главное, работаютъ большими артелями, а

не въ одиночку. Потому-то въ немъ не только нѣтъ, но и не можетъ быть хозяевъ. А при томъ порядкѣ, какой былъ встарину въ Англіи (и какой еще у насъ кое-гдѣ держится), хозяева должны были проявиться, и мало по малу закабалить себѣ вольныхъ мастеровыхъ, потому что они работаютъ въ одиночку.

Причина этому — машины.

Не устоять тебѣ, когда ты голый и безоружный выйдешь противъ врага, закованнаго въ желѣзо и вооруженнаго острымъ мечемъ. Такъ же точно не устоять работнику противъ хозяина, который завелъ машину.

Какъ только хозяева начинаютъ заводить машины, вольные мастеровые понемногу все раззоряются и раззоряются. Когда же заведется много машинъ, то всѣ они должны бросить свою работу и идти въ кабалу къ тѣмъ самымъ хозяевамъ, которые раззорили ихъ: дѣлать ручной товаръ нельзя, а завести машину имъ не на что, потому что машина стоитъ столько, сколько работнику во всю жизнь не заработать. Только большая артель рабочихъ можетъ завести дорогую машину. Вотъ почему при работницкомъ порядкѣ рабочіе будутъ работать большими артелями.

Но въ старину не было машинъ. Всѣ работали простыми инструментами. Въ это время рабочіе могли работать въ своихъ домашнихъ мастерскихъ, и богатый хозяинъ не могъ раззорить ихъ, потому и у него работали такими же инструментами.

Въ Англіи машины начали вводиться лѣтъ сто тому назадъ. Вотъ съ этого-то времени и сталъ пускать тамъ корни нанимательскій порядокъ, пото-

му съ этого времени вольные мастеровые стали обращаться въ наемныхъ работниковъ.

Посмотримъ-же, каково жилось англійскому народу лѣтъ сто тому назадъ, когда начинался нанимательскій порядокъ. Только тогда мы поймемъ, что̀ онъ далъ народу.

До насъ не дошло подробнаго описанія, во что одѣвались, какъ ѣли англійскіе работники лѣтъ сто тому назадъ. Но мы знаемъ очень хорошо, сколько они работали.

А по одному этому не трудно судить и о всемъ прочемъ. Они работали часовъ девять въ день, больше работать не соглашались. Да и работали не всѣ 6 или 7 дней въ недѣлю, какъ теперь, а только 4 дня, а 3 дня они гуляли. Значитъ, плата за работу была такая, что въ 4 дня работникъ заработывалъ столько, что могъ прожить безбѣдно цѣлую недѣлю со всей семьей, потому о женской и дѣтской работѣ тогда и помину не было.

Хозяева крѣпко ругали рабочихъ и за то, что они „лѣнились“ и не хотѣли работать на нихъ больше 4 дней, и за то, что они „спѣсивились“ и не хотѣли работать за малую плату. Но хозяева ничего не могли сдѣлать противъ этого. Рабочіе ушли-бы и завели свои собственныя мастерскія.

И вотъ хозяева стали писать книжки, чтобъ уговорить царей и всякое начальство пособить имъ. До насъ дошла одна такая книжка. Она написана въ 1770 году, т. е. 100 лѣтъ тому назадъ. Въ ней говорится, что Богъ-де въ своей заповѣди повелѣлъ человѣку работать шесть дней въ недѣлю, и потому большой грѣхъ начальству позволять рабочимъ работать всего четыре дня. Оно должно заставить ихъ работать всѣ 6 дней. А для этого оно должно

уменьшить рабочую плату въ полтора раза и строго воспретить работникамъ брать больше. Тогда въ 6 дней они заработаютъ столько-же, какъ теперь въ четыре, и будутъ принуждены работать всѣ 6 дней.

Вотъ, молъ, что слѣдуетъ сдѣлать, потому это — дѣло, угодное Богу (а хозяевамъ, надо полагать, и того паче).

А для „лѣнивыхъ“ — говорится дальше, — т. е. тѣхъ, которые не захотятъ работать за такую плату, пойдутъ, значитъ, противъ заповѣди господней, нужно-де построить особый острогъ, да такой, чтобъ отъ одной думы объ немъ у рабочаго морозъ по кожѣ подиралъ: въ этомъ острогѣ рабочихъ слѣдуетъ заставлять работать сполна 12 часовъ, чтобъ отучить ихъ отъ лѣни!

Вотъ, что писалось самымъ безсовѣстнымъ изъ торгашей въ 1770-мъ году, сто лѣтъ тому назадъ. Прошло 60 лѣтъ. Много за это время воды утекло. Наступилъ 1830-ый годъ. Въ этомъ году рабочіе сильно заволновались во всей Англіи. Они стали требовать, чтобъ начальство положило предѣлъ кровопійству хозяевъ. Но чего-же они хотѣли отъ начальства? Они хотѣли, чтобы хозяевамъ запретили заставлять дѣтей работать больше 12 часовъ въ день!

Вотъ, до чего дошли рабочіе въ 60 лѣтъ!

Сколько прежде самый подлый изъ хозяевъ хотѣлъ заставить рабочихъ работать въ своемъ острогѣ за наказаніе, того черезъ 60 лѣтъ сами рабочіе добиваются какъ спасенія для своихъ дѣтей!

Вотъ, какое страшное чудо совершилось въ 60 лѣтъ! Вся Англія превратилась въ огромный острогъ, да только много ужаснѣе того, про какой мечталъ этотъ подлый лицемѣръ: работали въ этомъ острогѣ

не по 12, а по 15, 16 и больше часовъ! да и не одни мужчины, а и женщины и маленькія дѣти!

Но какъ же могло въ такой короткій срокъ совершиться такое неслыханное измѣненіе? Какъ же могли хозяева забрать надъ народомъ такую страшную силу?

Злодѣй-ли царь какой выискался и кровавыми законами поработилъ такъ народъ?

Самого-ли сатану призвали хозяева и онъ помогъ имъ скрутить такъ рабочихъ?

Нѣтъ, не помогалъ хозяевамъ ни царь земной, ни подземный, ни небесный. Помогалъ имъ тотъ порядокъ, который завели они. Голодъ — вотъ, кто далъ имъ такую страшную власть; голодъ — вотъ, кто отдалъ имъ въ кабалу народъ.

Два молота было у хозяевъ, чтобы ковать голодъ. Первый, это — машины. Второй — погромы.

Машины раззорили вольныхъ мастеровыхъ и заставили ихъ идти въ кабалу къ хозяевамъ. Машины-же отдали ихъ во власть хозяевъ. Съ каждымъ годомъ заводились все новыя и новыя машины, а вмѣстѣ съ тѣмъ росло число народу, что работало на хозяевъ, росла и власть хозяевъ, росли и муки народа.

Такъ шло дѣло лѣтъ 30. Наконецъ фабрикъ стало видимо невидимо. Несмѣтное число рабочихъ работало на нихъ. Цѣлыя горы всякихъ товаровъ вывозились каждый день на рынокъ.

Тогда то пришелъ для рабочихъ ихъ послѣдній часъ: въ 1815 году разразился первый погромъ, а съ тѣхъ поръ и до нынѣшняго дня не проходило и 10 лѣтъ, чтобъ эти погромы не повторялись.

Тутъ ужъ не понемногу стали запускать хозяева

свои когти въ тѣло рабочихъ. Тутъ они разомъ цѣлыми кусками стали рвать ихъ живое мясо!

Все потеряли англійскіе работники. Не осталось у нихъ и слѣда ихъ старинной воли и стариннаго богатства.

Прежде они работали 4 дня въ недѣлю. Теперь же хозяева заставили ихъ работать не только всѣ 6, но и седьмой, потому что и по праздникамъ не даютъ они имъ отдыха.

Прежде они работали всего по 9 часовъ въ день. Теперь же хозяева заставили ихъ работать по 15, 16, 18 часовъ каждый день, а часто заставляли работать по 30, 40 часовъ подрядъ, пока только могли они двигать руками, пока только могли стоять на ногахъ.

Прежде работалъ одинъ отецъ. Жена вела хозяйство. Дѣти-же росли на волѣ. Теперь-же всю семью закабалилъ себѣ хозяинъ. И жену и малыхъ ребятъ, всѣхъ заставилъ онъ идти мучиться въ душной фабрикѣ, чтобъ ихъ кровью добыть себѣ лишнюю тысячу рублей барыша.

Чтобъ показать тебѣ, какъ губитъ такая работа здоровье всего народа, разскажу я тебѣ одинъ случай. Изъ него ты самъ сообразишь.

Разъ, въ одной области, вздумали осушить болота, потому что отъ нихъ не переводились въ томъ округѣ холера, разныя лихоманки и другія болѣзни, и много народу мерло отъ нихъ.

Но когда болота высушили, то вдругъ оказалось, что народу стало умирать пуще прежняго.

Удивилось начальство и послало нѣсколько докторовъ, чтобъ они разобрали, что это за притча такая?

Доктора пріѣхали, осмотрѣли, разспросили все, и

знаешь ли, что они доложили начальству? Да то, что какъ осушили болота, такъ въ той области завели фабрики и заводы. Отъ работы на нихъ народъ мреть пуще, чѣмъ отъ холеры и всякихъ лихоманокъ!

А то вотъ еще:

Разъ стали въ одной области наводить справки, которые изъ рабочихъ живутъ дольше всѣхъ. И что-же оказалось? Оказалось, что дольше всѣхъ живутъ горькіе пьяницы, потому что много у нихъ прогульныхъ дней! Пьянство не такъ губитъ здоровье, какъ непосильная фабричная работа!

Вотъ, какова стала работа. Сколько-же теперь зарабатываетъ англійскій работникъ своимъ поистинѣ каторжнымъ трудомъ? Какъ живетъ онъ теперь?

Объ этомъ, пожалуй, и говорить-то незачѣмъ.

Вѣдь не сила, а нужда гонитъ рабочаго на фабрику. А развѣ пойдетъ человѣкъ на такую каторгу, коли онъ и вся его семья не умираютъ съ голода и холода?

Такъ оно и взаправду.

Только самая малая кучка англійскихъ рабочихъ живетъ порядочно. Но это скорѣй ученые, чѣмъ работники. Всѣ же настоящіе работники, это — поголовно — нищіе.

Чтобъ не удлинять книжки, я не стану разсказывать тебѣ о томъ, каковы квартиры, какова одёжа англійскихъ работниковъ, хотя отъ этого волосы встали-бы у тебя дыбомъ. Я разскажу тебѣ только про то, какъ они ѣдятъ. По этому ты можешь судить о прочемъ.

Если человѣку совсѣмъ нечего ѣсть, то онъ умираетъ съ голоду черезъ недѣлю, много черезъ полторы. Если-же онъ будетъ ѣсть по четверти фунта хлѣба въ день, то онъ, разумѣется, тоже умретъ

съ голоду, но уже не черезъ недѣлю, а гораздо дольше — черезъ мѣсяцъ, а можетъ и два. Тогда обыкновенно не говорятъ, что человѣкъ умеръ съ голоду. Но доктора и ученые высчитали, сколько нужно человѣку пищи въ день, чтобъ онъ сохранялъ свои силы и не заболѣвалъ отъ недостатка въ пищѣ, т. е. отъ голода. Это будетъ, значитъ, самый меньшій предѣлъ въ пищѣ. Человѣкъ, который будетъ ѣсть меньше, непремѣнно заболѣетъ и умретъ съ голода. Разница вся въ томъ, что здѣсь человѣка замариваютъ голодомъ не вдругъ, а понемногу.

Вотъ такъ-то именно англійскіе хозяева и замариваютъ своихъ работниковъ.

Въ 1863 году начальство назначило нѣсколько ученыхъ, докторовъ и чиновниковъ, чтобы они развѣдали и доложили ему, какъ живутъ рабочіе, которые пострадали отъ недавняго погрома. Таковы были: ткачи шелковыхъ матерій, сапожники, швеи, чулочники, башмачники, портные и т. дал. Всѣ они вмѣстѣ составляли около половины всѣхъ рабочихъ.

При развѣдываніи выбирались всегда наиболѣе достаточныя семейства.

И что-же? Оказалось, что только одна четверть ѣла немного больше, чѣмъ сколько, по разсчетамъ ученыхъ, совершенно необходимо, чтобъ не умереть медленной голодной смертью. Половина ѣла меньше, а послѣдняя четверть — гораздо меньше, чѣмъ нужно, чтобъ не умереть медленной голодной смертью!

Вотъ, что доложили начальству — чиновники, ученые и доктора, которыхъ оно послало для развѣдываній.

Значитъ, три четверти умирало медленной голодной смертью!

Рабочіе почти поголовно мрутъ медленной голодной смертью. Но не мало умираетъ ихъ и настоящей, когда человѣку совсѣмъ ѣсть нечего. Такіе случаи въ Англіи дѣло самое обыкновенное. О нихъ каждый день печатаютъ въ газетахъ, и теперь это уже никого не удивляетъ. Да и не мудрено: въ Лондонѣ, столицѣ Англіи, въ богатѣйшемъ городѣ въ мірѣ, за десять лѣтъ умерло голодною смертью 3.292 работника!

Вотъ, до чего богатые довели англійскій народъ въ какіе нибудь 60—70 лѣтъ, т. е. съ 1770 года, когда начали заводиться машины, и до 1830 года, когда въ первый разъ рабочіе заволновались противъ хозяевъ. Но я не разсказалъ тебѣ еще про самое ужасное, что̀ ведетъ за собой этотъ порядокъ.

Страшна каторжная работа, страшенъ голодъ и холодъ, страшны всѣ муки, до которыхъ доводитъ народъ теперешній порядокъ. Но еще страшнѣй то, что онъ въ конецъ губитъ силу, здоровье и самый умъ народа. Накорми голоднаго, одѣнь холоднаго, и они забудутъ про голодъ и холодъ. Здоровья-же, силы и ума не вернуть никакими снадобьями!

Если человѣкъ ѣстъ впроголодь мѣсяцъ-другой, если онъ работаетъ мѣсяцъ-другой непосильную работу, то отъ этого ему никакого вреда нѣтъ. Онъ только въ это время потерпитъ голодъ и усталость. Но черезъ недѣлю онъ оправится и будетъ также силенъ и здоровъ, какъ и прежде. Если-же онъ изъ года въ годъ будетъ недоѣдать, недосыпать и надрываться надъ непосильной работой, то ему долго, а, можетъ, никогда не оправиться, потому что самое здоровье у него надорвано. А вѣдь теперь работникъ всю жизнь работаетъ черезъ силу, всю жизнь ѣстъ впроголодь, всю жизнь не имѣетъ хорошей одѣжи и теплой квартиры! Понятно, что самое крѣпкое здоровье сломится отъ такого житья.

Но мало того: вѣдь не одни взрослые мучатся на фабрикахъ. Голодъ заставляетъ отца посылать на ту-же каторгу малыхъ ребятъ и жену. Это и у насъ началось уже, но еще не повсюду, да и фабрикъ у насъ мало. Но пройдетъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, и у насъ будетъ также, какъ въ Англіи, гдѣ въ фабричныхъ округахъ всѣ матери, всѣ дѣти отъ 8 и даже 7 лѣтъ работали по 15 часовъ въ день!

А какъ должно отзываться это на здоровьѣ дѣтей? Что̀ должно сдѣлаться съ 8-ми и 7-ми лѣтними мальчиками и дѣвочками, когда и взрослому мужчинѣ не подъ силу такая работа?

Вотъ, что говорятъ объ этомъ тѣ доктора, которые по приказу начальства развѣдывали объ этомъ. „Дѣти во всѣхъ фабричныхъ округахъ — говорятъ они — имѣютъ такой видъ, что на нихъ страшно смотрѣть. Они перестаютъ расти и въ 16 лѣтъ кажутся 12-ти-лѣтними мальчиками. Они дѣлаются вялыми, хилыми, больными. Нѣтъ у нихъ ни дѣтской бойкости, ни дѣтскаго веселья, потому — не до веселья имъ, когда отъ усталости они еле стоятъ на ногахъ“.

Вотъ, каковы дѣти во всѣхъ округахъ, гдѣ народъ живетъ фабричной работой. Таковы-же они и у насъ, гдѣ они работаютъ на фабрикахъ, или дѣлаютъ товаръ на дому, вмѣстѣ съ отцомъ. Но у насъ это только кое-гдѣ. Въ Англіи же это почти повсюду.

Понятно, что отъ хилыхъ отцовъ и матерей родятся такія же хилыя дѣти, которыя станутъ еще хилѣе и слабѣе своихъ отцовъ, потому что и имъ съ 8—9 лѣтъ придется работать и терять послѣднее здоровье.

И такъ идетъ, что дальше, то хуже. Съ каждымъ поколѣніемъ народъ дѣлается все хилѣе и хилѣе, и уже теперь въ Англіи много такихъ округовъ, гдѣ народъ, какъ говорится, уже совсѣмъ выродился. Это — точно особое племя. Они такіе малорослые, что изъ нихъ не берутъ уже въ солдаты. Они такъ хилы, что — страшно сказать! — немногіе доживаютъ до 40 лѣтъ. Они такъ слабы и изморены, что въ 25 лѣтъ кажутся настоящими стариками!

Вотъ, до чего теперешній порядокъ довелъ самый здоровый и самый сильный народъ въ 60—70 лѣтъ!

До того-же онъ доведетъ и русскій народъ, коли не поднимется онъ, чтобы съ корнемъ вырвать этотъ порядокъ.

Страшна была кабала помѣщичья. Страшны были муки, которыя терпѣлъ отъ нихъ народъ. Но довести народъ до конечной гибели помѣщики никогда не могли.

Помѣщики тиранили народъ въ припадкѣ звѣрской злобы, но высасывать изъ него послѣдніе соки, замаривать его работой и голодомъ, косить дѣтей, какъ молодую траву — это могутъ дѣлать только его новые помѣщики — хозяева-напиматели.

Помѣщицкій порядокъ, это —рана отъ удара ножа. Она болитъ, когда ее разбередишь.

Теперешній, нанимательскій, это—злая лихоманка, что̀ какъ пристанетъ, такъ не отвяжется, пока не изсушитъ тебя въ щепку, пока въ гробъ не вгонитъ тебя.

Помѣщицкій порядокъ, это — грязное черное болото. Глубоко вязнешь ты, когда идешь по немъ. Мерзко воняетъ отъ него.

Купеческій, это — трясина, что̀ поросла свѣжей зеленой травой. Издали смотрѣть — много красивѣе. Но бѣда, коли попадешь ты въ нее! Съ головой провалишься ты въ нее, и болотная гадина пожретъ твое тѣло!

Затѣмъ-то и пишу я эту книгу, чтобъ показать всѣмъ, имѣющимъ очи: пусть увидятъ всю страшную глубину трясины, въ которую уже ступилъ русскій народъ и въ которой онъ уже завязъ по поясъ.

Горе, горе тебѣ, русскій народъ, если ты не выскочишь изъ нея, а задумаешь перейти на другую сторону! Черезъ нее нѣтъ перехода. Гибель, гибель немилучая ждетъ тебя впереди!

О ТОМЪ, ВЪ ЧЕМЪ ИСТИННОЕ И ЕДИНСТВЕННОЕ СПАСЕНІЕ РАБОЧИХЪ ОТЪ ВСѢХЪ ИХЪ ТЕПЕРЕШНИХЪ МУКЪ.

Когда дѣло дошло до того, что цѣлые округа стали вырождаться, то само начальство испугалось: что станетъ съ Англіей, когда весь народъ станетъ такимъ какъ рабочіе въ фабричныхъ округахъ. А что еще важнѣй—сами рабочіе опомнились и поняли, что не будетъ конца ихъ мукамъ и что съ каждымъ годомъ будетъ все хуже и хуже.

И вотъ рабочіе заволновались по всей Англіи и рѣшили, что пора положить предѣлъ кровопійству богачей.

Что же они рѣшили дѣлать для этого? Имъ оставалось только одно: бунтъ противъ всѣхъ хозяевъ, помѣщиковъ и начальства. Только освободившись отъ всѣхъ ихъ, народъ станетъ жить хорошо. Но англійскіе рабочіе этого не захотѣли. Они рѣшили

уладить дѣло по закону. Они надѣялись, что безъ бунта, безъ конечнаго разрушенія всего теперешняго порядка, можно сдѣлать, чтобъ имъ хорошо жилось. Вотъ, почему ничего и не получили они, да и не могли получить — ты это сейчасъ самъ увидишь.

Двумя способами боролись англійскіе работники съ хозяевами.

Первый способъ — стачки. Рабочіе сговаривались, и всѣ вмѣстѣ объявляли хозяину, чтобъ онъ увеличилъ плату, либо сократилъ работу. Хозяинъ отказываетъ. Тогда всѣ работники разомъ отказываются работать и уходятъ съ фабрики. Хозяинъ остается безъ работниковъ, а работники—безъ куска хлѣба.

И вотъ начинается борьба. Дѣло состоитъ въ томъ— кто кого перетерпитъ: хозяинъ рабочихъ, либо рабочіе хозяина. Да только борьба неравная: то-же, какъ если-бы одинъ человѣкъ билъ другаго по головѣ капустнымъ качаномъ, а тотъ его—желѣзной гирей. Работникъ терпитъ голодъ, холодъ и всякія лишенія. Онъ видитъ, какъ на его глазахъ умираетъ съ голоду его жена и дѣти. Хозяинъ-же ничего не терпитъ. Капиталовъ хватитъ ему не на одинъ годъ. Онъ только не получаетъ на нихъ въ это время барыша.

Понятно, что рабочимъ во вѣки вѣковъ не переупрямить хозяина, коли онъ захочетъ на своемъ поставить. Хозяинъ всегда заставитъ ихъ уступить и сдаться на его полную волю. А коли рабочіе слишкомъ неподатливы — онъ вышлетъ себѣ рабочихъ изъ другихъ мѣстъ и дѣло съ концемъ.

Вотъ почему, при самомъ неслыханномъ терпѣніи, рабочіе стачками никогда ничего путнаго не могутъ добиться: они могутъ получить нѣсколько лишнихъ грошей или уменьшить работу на какіе нибудь полъ часа—часъ. А коли они потребовали-бы порядочной

прибавки, то хозяинъ ни за что не согласится: ему выгоднѣе, чтобъ фабрика постояла мѣсяцъ-другой, пока онъ новыхъ рабочихъ пріищетъ.

Было еще у рабочихъ другое средство, гораздо лучше стачекъ: это — запугать хозяевъ бунтомъ и страхомъ добиться у нихъ уступокъ.

Рабочіе собирали огромныя сходки, куда сходилось иногда тысячъ по 50-ти народу. Вожаки говорили тамъ самыя бунтовскія рѣчи — что, молъ, коли хозяева не уступятъ, то рабочимъ слѣдуетъ взбунтоваться. Они писали книжки, гдѣ говорили про это самое, и сотнями тысячъ распускали ихъ по всему народу. Понятно, что волненіе росло не по днямъ, а по часамъ. Хозяева трусили и сами уговаривали начальство идти на уступки и издавать законы, выгодные для рабочихъ.

Такимъ способомъ рабочимъ удавалось добиться гораздо большаго.

Но все таки и этимъ они не могли избавиться отъ своихъ мукъ нужды и голода, которые терпѣли прежде. Они сократили на нѣсколько часовъ работу, увеличили на четверть или около того рабочую плату — вотъ и все. Положить же конецъ своимъ мукамъ они не могли, потому никакими уступками, никакими полюбовными сдѣлками съ грабителями этого сдѣлать нельзя. Избавить народъ отъ нужды, голода и всѣхъ его мученій можетъ только разрушеніе всего теперешняго порядка, со всѣми хозяевами, помѣщиками и царями, и устройство новаго работницкаго порядка.

Объ русскомъ народѣ и говорить нечего. Коли англійскимъ работникамъ удалось добиться хоть чего нибудь, то только потому, что тамъ порядки совсѣмъ иные, чѣмъ у насъ. Тамъ всякій

имѣетъ право говорить что угодно противъ хозяевъ и противъ начальства, и никто ему зажать ротъ не смѣетъ. Тамъ всякій можетъ собирать какія угодно сходки — никто ихъ не смѣетъ разогнать. Вотъ почему рабочіе могли тамъ и безъ бунта заставить начальство уступить своей волѣ.

У насъ-же ничего этого нѣтъ. Только хозяева могутъ дѣлать у насъ стачки, чтобы покрѣпче скрутить рабочихъ. Только противъ рабочихъ можно у насъ говорить и печатать что угодно.

Вотъ почему по закону у насъ работники ничего не могутъ добиться. Объ этомъ и говорить нечего.

Но главная-то причина все таки еще не въ этомъ, а въ томъ, что ни у насъ, ни въ какой хочешь странѣ, будь она вольнѣй самой Англіи, рабочіе мирнымъ и законнымъ порядкомъ никогда и не могутъ избавиться отъ своихъ мукъ, хотя бы начальство было еще мудрѣе, а хозяева были еще уступчивѣе, чѣмъ въ Англіи.

Статья эта очень важная, потому будь внимателенъ.

Разсуди, что̀ нужно, чтобъ рабочіе жили — не говорю хорошо, — а только порядочно? Что̀ нужно, чтобъ они хоть здоровья-то не теряли отъ нужды и работы?

Нужно прежде всего, чтобъ совсѣмъ перестали работать матери и дѣти. А для этого нужно увеличить плату мужьямъ по крайней мѣрѣ вдвое, потому только тогда имъ можно будетъ не посылать своихъ женъ и дѣтей на фабрику и жить не хуже прежняго.

Но этого мало. Самый крѣпкій и здоровый человѣкъ не выдержитъ, коли его изо дня въ день заставлять работать по 18, или даже по 15 часовъ.

Нужно, значитъ, чтобъ и работа мужчинъ сократилась покрайней мѣрѣ вдвое. Нужно, чтобъ работникъ въ 7 часовъ заработывалъ столько, сколько прежде въ 15. Изъ одного дня надо сдѣлать два. Для хозяина это — тоже, что за прежній день увеличить плату еще вдвое. Всего, значитъ, нужно увеличить плату въ 4 раза, чтобъ народъ не терялъ здоровья отъ работы.

Но и этого мало. Это разсчитано только, чтобъ народъ жилъ не хуже, чѣмъ теперь живетъ, а только могъ работать меньше. А развѣ этого довольно? Народъ не будетъ терять здоровье отъ работы, какъ теперь. Но развѣ онъ не теряетъ его еще больше отъ вѣчной нужды, отъ вѣчнаго голода, холода, сырости и грязи, въ которой живетъ? Понятно, что коли рабочіе будутъ жить даже вдвое лучше, чѣмъ теперь живутъ, то и то имъ будетъ скверно. Значитъ, не въ 4, а по крайней мѣрѣ въ 8 разъ нужно увеличить плату работнику, чтобъ семья его могла не терять здоровья не только отъ работы, но и отъ нужды.

Вотъ, что нужно, чтобъ рабочіе не то что жили хорошо, а только не теряли здоровья, не сходили въ раннюю могилу отъ нужды и работы.

Ну, что-жъ? Развѣ могутъ рабочіе когда нибудь добиться отъ хозяевъ, чтобъ они увеличили рабочимъ плату въ 8 разъ? Развѣ можетъ какое нибудь начальство принудить къ этому хозяевъ?

Нѣтъ, никогда и ни въ какой землѣ этого не можетъ случиться.

Почему?

По очень простой причинѣ: хозяевамъ не съ чего такъ увеличить плату рабочимъ, потому что по самымъ вѣрнымъ разсчетамъ сами хозяева нажи-

ваютъ отъ рабочаго столько же сколько они ему платятъ. Коли хозяинъ платитъ рабочему полтину, то онъ получаетъ съ него круглымъ счетомъ тоже полтину — иногда не много больше, иногда немного меньше. Значитъ, коли-бъ хозяева должны были увеличить рабочую плату только вдвое, то на другой же день имъ оставалось бы только закрыть всѣ свои фабрики, отпустить всѣхъ своихъ работниковъ, потому что они не получали бы съ нихъ ни копѣйки барыша.

Вотъ почему никогда и нигдѣ рабочимъ ничего не добиться ни отъ уступокъ хозяевъ, ни отъ милостей начальства. Ни хозяева, ни начальство, не могутъ прекратить мукъ народа, какъ не можетъ ведро воды залить пожаръ, лукошко земли — засыпать глубокій ровъ.

Только одно можетъ спасти русскій народъ и всѣ другіе народы, это — разрушеніе всего теперешняго нанимательскаго порядка и замѣна его новымъ, работницкимъ, въ которомъ большія артели рабочихъ будутъ владѣть всѣмъ и править всѣмъ.

Но какъ же можетъ кончиться бѣдность народа отъ одного того, что вмѣсто хозяевъ и помѣщиковъ станутъ артели рабочихъ? Откуда явятся новыя богатства, когда теперь ихъ нѣтъ?

Нѣтъ, они есть и теперь, да только пропадаютъ они безъ пользы. Теперешніе враги народа—купцы, помѣщики и царь со всякими чиновниками, это — тоже, что скотина, которая залѣзла въ хлѣбное поле. Съѣстъ то она немного, а истопчетъ и перепортитъ даромъ не одну копну.

Такъ же точно и они. То, что они взаправду отнимаютъ у мужика — капля передъ тѣмъ, чего онъ лишается по ихъ милости.

Возьмемъ на примѣръ землю. Въ первой главѣ этой самой книжки я говорилъ, что у помѣщиковъ въ четыре раза больше земли чѣмъ у мужиковъ. Кромѣ того, всюду, гдѣ высчитаны урожаи на помѣщичьей и на мужицкой землѣ, выходитъ, что на помѣщицкой родится вдвое больше хлѣба съ десятины, чѣмъ на мужицкой. Значитъ, на четырехъ помѣщичьихъ доляхъ могло бы родиться въ 8 разъ больше хлѣба, чѣмъ на мужицкой. А на дѣлѣ его не родится и вдвое, потому что у помѣщиковъ нѣтъ денегъ, чтобъ нанимать мужиковъ и много земли пустуетъ.

Вотъ, какъ пропадаетъ теперь богатство народное.

То-же, что я говорилъ про земли, можно сказать и про фабрики и заводы. Въ рукахъ хозяевъ они, какъ земля, не даютъ и пятой части того, что дали бы въ рукахъ рабочихъ артелей. Спроси любаго работника, и онъ скажетъ тебѣ, что коли хозяинъ даетъ хорошую поштучную плату, то работники дѣлаютъ въ 5, въ 6 разъ больше, чѣмъ дѣлали при поденной платѣ. Кромѣ того, всякій скажетъ тебѣ, что теперь никогда почти на фабрикѣ не бываетъ полнаго числа рабочихъ. Ихъ могло-бъ помѣститься въ полтора и въ два раза больше, чѣмъ обыкновенно.

Отчего-же это такъ? Оттого, во первыхъ, что у хозяина нѣтъ капиталовъ, чтобъ нанять полное число рабочихъ и давать имъ всѣмъ хорошую поштучную плату. А во вторыхъ, оттого что, коли-бъ работало полное число рабочихъ, да еще каждому платить хорошую поштучную плату, то они надѣлали бы товару въ 8, въ 10 разъ больше, чѣмъ теперь, и хозяину некуда было-бъ продавать его. Онъ бы сгнилъ у него въ складахъ.

Вотъ отчего теперь пустуютъ фабрики еще больше, чѣмъ пустуетъ земля.

При работницкомъ порядкѣ этого не можетъ быть. Сколько тогда ни надѣлай товару, ему всегда будетъ сбытъ, потому что потреблять товаръ вѣдь самъ же народъ. Да только теперь онъ нищій и покупать ему не на что. Тогда же всѣ будутъ богаты. Вотъ почему тогда фабрики не будутъ стоять на половину пустыми, какъ теперь. Работники не будутъ работать такъ лѣнивo, какъ теперь: они будутъ работать еще усерднѣе, чѣмъ работаютъ теперь при поштучной платѣ, потому что при поштучной платѣ работникамъ достается только часть прибыли отъ бо́льшаго усердія, а при работницкомъ порядкѣ она достанется имъ цѣликомъ, потому что они сами и работники и хозяева.

Разсчитаемъ же теперь, насколько разбогатѣетъ русскій народъ съ наступленіемъ работницкаго порядка.

По разсчетамъ самого начальства, на каждаго мужика приходится круглымъ счетомъ 3 десятины. Значитъ, на обыкновенную семью (въ пять человѣкъ) съ 5 душевыми надѣлами прійдется 15 десятинъ. Съ этихъ 15 десятинъ въ обыкновенный урожай семья получитъ пудовъ 300 хлѣба. При самыхъ хорошихъ цѣнахъ (60 к. пудъ) это дастъ 180 рублей. Разумѣется, не весь этотъ хлѣбъ, не всѣ эти деньги пойдутъ на семью. Часть уйдетъ на подати. Но положимъ, что оброкъ и всѣ подати мужикъ уплачиваетъ изъ заработковъ на сторонѣ. Всѣхъ податей, оброковъ, подушныхъ, поземельныхъ, земскихъ, паспортныхъ и проч. будетъ около 150 рублей. Значитъ, семья свой зимній заработокъ, (т. е. 150 рублей). отдастъ казнѣ и помѣщику. А сама проживетъ свой лѣтній заработокъ, т. е. 180 рублей въ годъ или по полтинѣ въ день.

Что же будетъ при работницкомъ порядкѣ, когда и землей, и фабриками, и заводами будутъ владѣть артели рабочихъ.

Я разсчиталъ уже, что тогда земля будетъ давать въ 9 разъ больше, чѣмъ теперь мужицкая, потому что тѣ 4 доли, которыми владѣютъ теперь помѣщики, родятъ вдвое больше мужицкой, т. е. какъ рожало бы 8 мужицкихъ.

Я разсчиталъ также, что колибъ фабриками владѣлъ самъ народъ, то они могли бы давать въ десять разъ больше, чѣмъ теперь даютъ. Значитъ, отъ земли и отъ фабрикъ народъ могъ бы разбогатѣть въ 20 разъ.

Но для вѣрности я не буду брать этого.

Пусть съ земли народъ будетъ получать всего въ 5 разъ больше: это ужъ несомнѣнно, потому что земли у него будетъ въ 5 разъ больше.

Пусть съ фабрикъ онъ будетъ получать всего въ 5 разъ больше: это тоже несомнѣнно, потому что теперь, при усердной работѣ, напримѣръ поштучной, работникъ заработываетъ въ 3, въ 4 и въ 5 разъ больше, чѣмъ въ обыкновенное время. Значитъ, на дѣлѣ, онъ сработаетъ въ 6, въ 8 и въ 10 разъ больше обыкновеннаго, потому что теперь ему достается только половина того, что онъ сработаетъ.

Значитъ, отъ земли и отъ фабрикъ самое меньшее, что народъ разбогатѣетъ въ 10 разъ.

Теперь семья проживаетъ круглымъ счетомъ полтину въ день. Тогда она будетъ проживать 10 полтинъ, или 5 рублей въ день, или полторы тысячи въ годъ.

Вотъ самое меньшее, что можетъ дать работницкій порядокъ. По настоящему, на этомъ можно

бы и кончить. Если-бъ при работницкомъ порядкѣ каждая семья рабочихъ и не могла имѣть больше полуторы тысячи въ годъ, то и этого совершенно довольно. Живя артелью рабочіе имѣли бы все, что только имъ нужно, и вкусную и сытную пищу, и просторную и красивую квартиру, и отличное платье. Они могли бы заниматься всякими науками и художествами; для нихъ были бы доступны всѣ удовольствія, которыя дѣйствительно красятъ жизнь человѣческую. Конечно, у нихъ не было бы ни брильянтовыхъ колецъ, ни жемчужныхъ ожерельевъ, ни раззолоченныхъ палатъ. Но этого и не нужно человѣку, чтобъ жить счастливо. Это нужно только развращеннымъ теперешнимъ богачамъ, чтобъ величаться передъ другими своимъ богатствомъ.

Но все таки я скажу тебѣ нѣсколько словъ о томъ, сколько взаправду можетъ имѣть народъ при работницкомъ порядкѣ, чтобъ показать тебѣ, какія чудеса можетъ творить этотъ порядокъ.

Много дастъ то, что сами работники будутъ владѣть и землей, и фабриками, и заводами. Но еще больше дастъ то, что они всѣмъ этимъ будутъ владѣть міромъ, артелью, а не поодиночкѣ, и работать будутъ тоже артелью, а не въ одиночку.

Въ началѣ четвертой главы я говорилъ о томъ, почему безъ этого черезъ нѣсколько лѣтъ все вернется къ старому: если каждый работникъ будетъ работать въ одиночку, то тотъ, кто разбогатѣетъ, заведетъ машину и машиной раззоритъ всѣхъ мастеровыхъ и заставитъ идти къ себѣ въ работники.

Теперь же я скажу, какъ страшно должно увеличиться богатство народа отъ того, что все у него будетъ артельное.

У насъ чуть не во всѣхъ великорусскихъ губер-

ніяхъ и во многихъ малороссійскихъ, народъ не только землю пашетъ, но занимается у себя на дому разными ремеслами: желѣзный товаръ дѣлаютъ въ Тульской, Нижегородской, во многихъ уѣздахъ Казанской, Тверской и Вологодской; полотняный — въ Ярославской, Костромской и другихъ; кожевенный — въ Тверской, Казанской и друг. Но теперь повсюду мужики работаютъ каждый у себя на дому, въ одиночку; у нихъ инструменты самые плохіе, потому и товару они дѣлаютъ слишкомъ въ 10 — 15 разъ меньше, чѣмъ дѣлаетъ столько же работниковъ на фабрикѣ, гдѣ машинами работаютъ. Иной машиной работникъ сдѣлаетъ въ 50 и во 100 разъ больше, чѣмъ простымъ инструментомъ. Понятно, что когда работать будутъ большія артели рабочихъ, то онѣ заведутъ самыя лучшія машины, которыя теперь только у самыхъ богатыхъ хозяевъ заведены, потому большая артель будетъ богаче всякаго теперешняго хозяина.

Тоже можно будетъ сказать и про землю.

Теперь у насъ родится круглымъ счетомъ самъ-четвертъ, потому что у мужиковъ хозяйство самое плохое. Когда же владѣть землей будутъ большія артели, то онѣ заведутъ самое лучшее хозяйство, потому каждая артель будетъ такъ богата, какъ рѣдкій изъ теперешнихъ хозяевъ. А по разсчетамъ ученыхъ, при хорошемъ хозяйствѣ, у насъ, напримѣръ, могло бы родиться по крайней мѣрѣ въ 12—20 разъ больше чѣмъ теперь родится. Но я брать этого не буду. Пусть у мужиковъ будетъ такое хозяйство, какое и теперь во многихъ земляхъ есть, напр. въ Англіи, гдѣ родится слишкомъ въ 8 разъ больше чѣмъ у насъ, или хоть во Франціи, гдѣ родится въ 4 раза больше, чѣмъ у насъ. Тогда,

значитъ, у мужиковъ было бы по крайней мѣрѣ въ 20 разъ больше хлѣба, чѣмъ теперь, потому что земли у нихъ было бы въ 5 разъ больше, а родилось бы на каждой десятинѣ по крайности въ 4 раза больше.

Вотъ, на сколько долженъ разбогатѣть народъ отъ того, что владѣть землей и работать на ней будутъ большія артели.

Теперь мужицкая семья проживаетъ не больше полтины въ день; тогда же она отъ одной лѣтней работы будетъ имѣть 50 полтинъ или 10 рублей въ день или 3 съ половиною тысячи рублей въ годъ!

А вѣдь мы разсчитали, что и отъ зимней, т. е. фабричной, работы мужикъ будетъ имѣть столько же, а то и больше чѣмъ отъ лѣтней, потому въ фабрикахъ еще больше значитъ машина, чѣмъ въ хлѣбопашествѣ! Выходитъ, что каждая семья могла бы имѣть по семи тысячъ въ годъ! И это по самому умѣренному разсчету! Вѣдь всюду я бралъ гораздо меньше, чѣмъ могъ бы, что-бъ ты не сказалъ, что я гдѣ нибудь преувеличилъ.

Вотъ, что такое работницкой порядокъ! Не умѣньшитъ, а совсѣмъ уничтожитъ онъ бѣдность, нужду и всѣ муки народа, которыя происходятъ отъ нихъ. Не лишнюю корку нищему дастъ онъ, а дастъ такое богатство, такое счастіе всему роду человѣческому, какого теперь и понять нельзя!

Но не легко достанется народу такое счастіе. Не получитъ онъ его никакимъ трудомъ, никакимъ терпѣніемъ, потому не можетъ онъ получить его ни отъ какихъ уступокъ хозяевъ, ни отъ какихъ милостей начальства. Только тогда, когда народъ самъ сдѣлается хозяиномъ земли, фабрикъ и заводовъ, онъ получитъ этотъ порядокъ. Значитъ, одно только остается ему, это возстать всей землей противъ своихъ грабителей и отнять у нихъ силой землю и фабрики и все, чѣмъ владѣютъ они на его погибель, потому охотой они никогда этого не отдадутъ.

Бунтъ — вотъ одно спасеніе народа отъ нищеты, голода и холода, которые онъ терпитъ, и отъ конечной погибели, которая ждетъ его впереди: бунтъ противъ помѣщиковъ, бунтъ противъ хозяевъ, бунтъ противъ царя и всякаго начальства, которое затѣмъ только и стоитъ, чтобъ защищать грабителей народныхъ!

Я кончилъ свое дѣло.

Я показалъ тебѣ, что̀ такое теперешняя голодная кабала, въ которую попался народъ изъ крѣпостной кабалы.

Я показалъ тебѣ, что при теперешнемъ порядкѣ народу съ каждымъ годомъ должно дѣлаться все хуже и хуже, потому что хозяева должны перенимать одинъ отъ другаго всякія грабительства — иначе они сами раззорятся.

Я показалъ тебѣ, что муки народа не только должны увеличиваться, но должны увеличиваться съ страшной быстротой, именно черезъ машины, а главное, чрезъ безпрерывные застои и торговые погромы.

Я показалъ тебѣ на англійскомъ народѣ, съ какой именно быстротой растутъ муки народныя.

Я показалъ тебѣ, до какихъ мукъ богатые въ 70 лѣтъ довели народъ.

Я показалъ тебѣ, что англійскій народъ не только потерялъ весь достатокъ, всю волю свою и сдѣлался настоящей рабочей скотиной, но даже сталъ мало по малу терять самую силу, здоровье и умъ, сталъ, какъ говорится, вырождаться, превращаться въ хилыхъ, больныхъ и малорослыхъ выродковъ.

Вотъ, до чего долженъ теперешній порядокъ довести и русскій народъ и всѣ другіе народы, гдѣ онъ завелся.

Наконецъ, я показалъ тебѣ, какъ все можетъ быть иначе, когда, вмѣсто теперешняго, **нанимательскаго** порядка, наступитъ **работницкій**.

Показалъ тебѣ, какія громадныя, неслыханныя богатства дастъ онъ народу.

Показалъ я тебѣ и то, почему ни какими законами, ни какими уступками нельзя прекратить мукъ народа, если только останется теперешній, нанимательскій порядокъ.

Теперь мнѣ больше нечего говорить тебѣ.

Я не стану говорить тебѣ о тѣхъ мукахъ, которыя ждутъ тебя, если ты будешь покорно гнуть шею передъ твоими грабителями.

Я не стану говорить тебѣ о томъ счастіи, которое ты можешь имѣть, если хватитъ у тебя мужества взять его.

Я не стану говорить тебѣ: поднимись на своихъ злодѣевъ!

Я скажу тебѣ только: поднимись скорѣе, потому прійдетъ время, когда уже не подняться тебѣ!

КОНЕЦЪ.

Библиотека МЭЛ